

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

XXVII межвузовская
научно-методическая конференция
преподавателей и аспирантов

Секция баллистики

10–12 марта 1998 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург, 1998

От редактора

Санкт-Петербург по самому замыслу его основателя явился городом, открытым всему миру, — в первую очередь, конечно, Балтике. Балтийский мир всегда оставался ближайшим окружением Города и, с другой стороны, этот мир, пронизанный всевозможными разнообразными связями, всегда включал в себя Санкт-Петербург. Одна из наиболее интересных сфер этого мира — культурные отношения с Юго-Западом; Латвия и Литва послали в Петербург немало одарённых сыновей — достаточно вспомнить родившегося в Вильнюсе великого востоковеда И.Ю.Крачковского или во многом определивших характер петербургской культуры О.Мандельштама и Арк. Райкина, которые родились в Риге. Все знают, что Петербург сыграл важную роль в становлении литовского и латышского культурного возрождения в XIX веке. Петербург также был одним из центров летто-литуанистики как направления филологической науки. С нашим городом были связаны А.Баранаускас и К.Буга, П.Шмитс и Э.Волтерис, Бестужевские курсы окончила Анна Абеле; классиками балтистики являются Ф.Ф.Фортунатов и Б.А.Ларин, в нашем “Круглом Столе” принимает участие замечательный петербургский филолог-балтист Ю.В.Откупщиков.

Нам хотелось бы, чтобы Санкт-Петербургский Университет не только поддерживал эту ценную традицию: безусловно, необходимо развивать её. Надо чаще встречаться — для этого организован наш “Круглый Стол”; конечно, кроме обмена научными идеями чрезвычайно важно договориться об обмене книгами, об организации современной информационной сети. Представленные в данной публикации работы отражают, следовательно, только один из аспектов встречи. Но они навсегда останутся свидетельством тому, что эта встреча состоялась, будут напоминать участникам об обсуждавшихся темах и представят науке некоторый срез того, что в современной балтистике актуально.

Обратимся со словами благодарности к программе “East — East” Института “Открытое общество”: без поддержки Фонда Сороса мы едва ли могли бы столь успешно организовать настоящую встречу. Особую признательность нам хотелось бы выразить координатору этой программы Н.В.Захаровой, отнёсшейся к нашему проекту с исключительным вниманием и сердечностью.

Алексей Викторович Андронов (Санкт-Петербург)

К проблеме словоизменительных классов глаголов в латышском языке

Дескриптивная грамматика предполагает, помимо определяемой единством парадигм окончаний классификации глаголов на спряжения, выделение словоизменительных классов глаголов, то есть групп глаголов, характеризующихся тождественным формальным соотношением формообразующих основ. (Традиционные латышские спряжения фактически соответствуют словоизменительным классам.) Грамматические описания латышского языка как правило оперируют тремя формообразующими основами глагола: основой инфинитива, презенса и претерита. Благодаря известной близости основ инфинитива и претерита, определяющим для латышского языка является соотношение этих основ с основой презенса (иначе говоря соотношение непрезентных основ с презентной).

В основе распределения глаголов по словоизменительным классам должны лежать “сквозные” (имеющиеся у каждого глагола) признаки. Для латышского языка это — структурный тип глагола (первичный, вторичный и смешанный) и тематический гласный основы презенса ($a : \bar{a}$, resp. краткое или долготное спряжение). Из 6 возможных сочетаний названных признаков в латышском языке реализованы 4, соответствующие 4 словоизменительным глагольным классам:

	краткое спряжение	долготное спряжение
первичные	<i>bēgt, bāg, bēga</i> ‘бежать’	—
смешанные	<i>drebēt, dræb, drebēja</i> ‘дрожать’; <i>dziedāt, dzied, dziedāja</i> ‘петь’	<i>vedināt, vedina, vedināja</i> ‘проветривать’; <i>zināt, zina, zināja</i> ‘знать’; <i>darīt, dara, darīja</i> ‘делать’
вторичные	<i>balsuot, balsuo, balsuoja</i> ‘голосовать’, etc.	—

Дальнейшее описание словоизменительных классов связано с разграничением морфологических и морфонологических различий между формообразующими основами, однако существующие классификации, как кажется, не обращают специального внимания на этот аспект [MLLVG, 1959], или даже невольно затушевывают его [Fennell, 1980].

Морфологические различия формообразующих основ могут заключаться в (ср. классификацию спряжений Э.Сойды [Soida, 1969]):

- наличии основообразующих формантов в основе презенса (*-j-*, *-st-*, *-n-*, *-d-*);
- чередовании согласных (*j*-палатализация в настоящем времени и *i*-палатализация в прошедшем времени);
- чередовании гласных в основе презенса (только в первичных глаголах), которое бывает двух типов: 1) отражающее количественные рефлексы древнего аблаута (возможны две основных модели: $*\emptyset : \cup : \emptyset$ и $*- : \cup : -$) и 2) возникшее в результате исчезновения инфикса.

Формообразующие основы вторичных глаголов не имеют морфологических различий (они различаются только тематическим гласным).

Перечисленные морфологические различия могут быть осложнены морфонологическими изменениями.

Особый интерес представляют следующие аспекты описания словоизменительных классов глаголов:

- статус интервокального *-j-* в исходе глагольной основы презенса (*miju, cienīju, skuju, jāju*);
- функциональная эквивалентность основообразующего суффикса *-j-* и соответствующего чередования согласных (*j*-палатализации) в основе презенса (*glābju, glāb, glābj; plēšu, plēs, plēš*);
- наличие или отсутствие чередования *k — c, g — dz* (*i*-палатализации) в основе претерита (*degt — dega, rēkt — rēca*);
- проблема совпадения рефлексов древнего аблаута и чередования гласных, вызванного исчезнувшим инфиксом (*likt — liek, tikt — tiek*);
- наложение морфонологических изменений на количественные чередования гласных в корне (*aŗt — àr — ara, kår̃t — kår̃ — kår̃a, skaŗt — skår̃ — skår̃a*);
- отсутствие позиционной обусловленности в употреблении узкого *e* в настоящем времени первичных глаголов типа *dzert — dzer* из-за исчезновения мягкого *r* в литературном языке (ср. *cerēt — cær*)

Идеальной была бы такая классификация, которая позволяла бы по форме инфинитива и классификационной характеристике глагола, отражающей, во-первых, морфологические различия между основами, и во-вторых, различные морфонологические изменения, построить две другие основные формы.

Лаймуте Балоде (Рига — Хельсинки)

Балтийская ономастика сегодня — ситуация и перспективы

Балтийская — прусская, литовская, латышская — ономастика исследовалась уже столетие с лишним, но нераскрытых вопросов и актуальных проблем ещё хватит на следующее тысячелетие.

Обращая основное внимание в этом докладе на латышскую ономастику, первым делом следует отметить, что истоки этой науки в Латвии относятся к концу XIX века (работы А.Биленштейна). Первые объёмные собрания топонимов были опубликованы лингвистами Я.Эндзелином (1922, 1925) и Ю.Плакисом (1936, 1939).

В настоящее время существуют 2 крупные картотеки топонимов Латвии: в Институте латышского языка (1,5 млн. единиц) и в Секторе географии Научной лаборатории региональной географии и топонимики Латвийского Университета (50 000 единиц). Одна из задач ближайшего будущего — объединить эти картотеки, компьютеризовать их. Необходимо создать базу данных по историческим топонимам соответствующей территории.

Ещё проф. Я.Эндзелин начал писать словарь топонимов Латвии (ч. I А–J, 1956; ч. II К–O, 1961). Сотрудниками Института латышского языка этот топонимический словарь (по существу, полного типа) с этимологическими комментариями пополняется и готовятся к печати остальные тома (примерно 6–8 томов).

Учёных-ономастов привлекают отдельные топонимические области: довольно хорошо изучены топонимы иноязычного происхождения (финно-угорского — К.Бойко, литовского, славянского — Л.Балоде, куршского — О.Бушс). Отдельные топонимисты (лингвисты и географы) специализируются в региональной ономастике: топонимы Курземе (Дз.Хирша, З.Гоба, В.Страутниесе), топонимы Видземе (Ю.Кавацс, Р.Звейниекс), топонимы Латгале (А.Брейдакс, В.Зепс, О.Коволевска, Л.Лейкума) и др. Гидронимия Латвии — тема, которой посвящены работы Л.Балоде. В будущем планируется создание этимологического словаря гидронимов Латвии. Топонимам побережья и названиям тоней посвящены монографии Б.Лаумане.

Несколько работ анализирует деривацию латышских топонимов (Я.Эндзелин, Л.Балоде). Единичны исследования по семантике топонимов (В.Дамбе). Совсем “неосвоенная земля” — синтаксис топонимических словосочетаний. Хотя и существует словарь топонимов Латвии, но и в нём многие названия оставлены без этимологий.

Вторая отрасль ономастики — антропонимика — в Латвии пока находится в положении падчерицы. Существует большая картотека латышских имён, на базе которой подготовлен и опубликован “Словарь латышских имён” (К.Силиньш, 1990). Об именах и фамилиях XIII–XVI вв. писал Э.Блесе (1929). Фамилии Латвии исследовала В.Сталтмане, живущая и работающая в Москве. Она опубликовала монографию “Латышская антропонимия. Фамилии” (1981), в качестве приложения к которой дан также обратный частотный словарь около 20 000 латышских фамилий. В.Сталтмане подготовила также пока неопубликованный этимологический словарь этих фамилий.

Как известно, антропонимика Литвы исследована лучше: существует 2 тома “Словаря литовских фамилий” (1985, 1989), а также отдельные монографии по антропонимике (З.Зинкявичюс, В.Мациеяускене). Существует и краткий словарь литовских имён (К.Кузавинис, Б.Савукинас); хотелось бы видеть большой историко-этимологический словарь литовских имён.

Но в одном латышские топонимисты превзошли своих литовских коллег: хотя опубликованы многочисленные работы А.Ванагаса по гидронимии Литвы (1970, 1981 и др.), но работа над объединённым топонимическим словарём Литвы ещё только начинается.

Материалы прусской топонимии и антропонимии использовались многими индоевропейцами. Главные публикации — Г.Геруллеса (1912, 1922), З.Траутмана (1925). Многие этимологии созданы В.Топоровым, В.Мажюлисом, исторические топонимические материалы анализировались Г.Блажене, Ф.Даубарасом и др.

К сожалению, почти нет работ, объединяющих топонимию всех балтийских языков; нет сравнительного анализа, выясняющего общие черты и особенности нашей ономастики.

Лолита Бельска (Рига)

Проблематика написания топонимов Латгале

1. В процессе возрождения национальной картографии, серьёзную проблему представляет унификация написания географических названий Латгале. Существующие в настоящее время большие расхождения затрудняют употребление топонимов в официальных документах и повседневной жизни.

2. Отсутствие единства в написаниях объясняется историческими обстоятельствами — в основном это политические мотивы государств, владевших данной территорией, а также этническая неоднородность населения.

3. При записи топонимов Латвии с 20-х годов XX столетия используется принцип транспонирования, предполагающий определённую адаптацию звучания местных диалектных форм, придание им облика, соответствующего фонетике литературного языка. Однако с довоенных времён и до сих пор транспонирование так и не реализуется последовательно. Сейчас выработаны новые принципы транспонирования топонимов Латгале.

4. Наиболее актуальными вопросами написания топонимов Латгале являются следующие:

- 1) написание слов-определений в названиях, состоящих из нескольких слов, при переносе номенклатурного слова в латышский литературный язык;
- 2) написание окончаний при усечении гласного в конце слова;
- 3) передача смягчения согласных;
- 4) написание топонимов славянского происхождения;
- 5) написание частично транспонированных форм.

Анта Бухарина (Рига)

Семантические отношения латышского имени прилагательного *jautrs* ‘весёлый’ и литовского имени прилагательного *jautrus* ‘чувствительный’

1. Латышское имя прилагательное *jautrs* ‘весёлый’ и литовское имя прилагательное *jautrus* ‘чувствительный’ — гетеросемические слова: их значения в современном латышском литературном и современном литовском литературном языке различны.

2. Этимологи (Э.Френкель, Я.Эндзелин) считают, что эти слова имеют общее происхождение — они образованы от глаголов со значением ‘чувствовать’ (лтш. *just*, лит. *jausti*), которые в свою очередь связаны с индоевропейским корнем **eutiō* ‘чувствовать’ (Р.Траутман), **eu-* ‘чувствовать’ (Ю.Покорный).

3. Основное значение литовского прилагательного *jautrus* — ‘чувствительный, впечатлительный’ тесно связано со значением глагола *jausti* ‘чувствовать’. Литовское имя прилагательное в отличие от соответствующего латышского сохранило первоначальное значение.

4. Латышское имя прилагательное *jautrs* потеряло своё первоначальное значение ‘чувствительный’ и приобрело несколько новых значений: ‘бдительный’, ‘бодрый’, ‘лёгкий, чуткий (о сне)’, ‘весёлый’. Связь первых трёх значений с первоначальным значением ‘чувствительный’ довольно ясна, однако развитие значения ‘весёлый’ проблематично.

5. Употребляемое в современном латышском литературном языке значение слова *jautrs* ‘весёлый’ в старых латышских словарях не встречается — в них слово *jautrs* толкуется как ‘бдительный, бодрый’.

6. Возможно, что значение латышского *jautrs* изменилось под влиянием немецкого языка: в немецком языке слово *munter* значит ‘весёлый’ и ‘бодрый’.

7. Впервые слово *jautrs* со значением ‘весёлый’ приведено в словаре К.Вальдемара “*Latweeschu-kreewu-wahzu wardnize*” (1879), таким образом, возможно, что на распространение нового значения повлиял этот словарь. Уже в конце XIX века в латышской литературе (Р.Блауманис) это значение встречается довольно часто, а сейчас оно стало основным значением слова *jautrs*.

Оярс Бушс (Рига)

Ещё одно свидетельство финно-угорского субстрата в латышской топонимии?

Финно-угорские элементы как субстратного, так и адстратного характера представляют собой довольно значительный слой в латышской топонимии. В последние десятилетия латвийским топонимам финно-угорского происхождения (ЛТФП) серьёзные исследования посвятили М.Рудзите, В.Зепс, А.Брейдакс; особо следует отметить докторскую диссертацию К.Бойко “Прибалтийско-финские географические апеллятивы и их реликты в латвийских топонимах” (1993). Тем не менее регистр уже вошедших в научный оборот ЛТФП отнюдь ещё не стал закрытой системой и продолжает постоянно пополняться.

Название болота *Sāmalas purvs* (в Лаздонской волости) ныне почти забыто (поскольку не стало и самого болота), местными жителями в памяти восстанавливаются неточные и переосмысленные фонетические варианты, напр., *Sēnalu purvs* (букв. ‘болото лузги’). Уточнить форму этого топонима стало возможным благодаря данным хранящейся в Институте латышского языка картотеки, составленной ещё в 30-е годы на основе опроса школьников. Топоним *Sāmalas purvs* можно сопоставить с финск. и эст. *sammal* ‘мох’, ливск. *sāmal* ‘т.ж.’ (ср. также саамское *sāmel* < финск.). В картотеке топонимов Центра исследований местных языков в Хельсинки зарегистрировано около 180 названий болота *Sammalsuo* (ср. *suo* ‘болото’) в Финляндии, а в соответствующей картотеке Института латышского языка в Риге — около 90 топонимов *Sānu purvs*, *Sūnpurvs*. Эта лексико-семантическая модель является исключительно широко распространённой и типичной, что позволяет с довольно большой долей уверенности отнести к ней и *Sāmalas purvs*.

Хотя для Лаздонской волости (и близлежащего региона) ТФП не характерны, следует отметить два гидронима: *Kuja* река и *Niras ezeriņš* озеро, — при анализе этимологии которых должна быть учтена и возможность финно-угорского происхождения. Таким образом, упомянутые топонимы могут дополнить уже оформившееся на другом (преимущественно фонетическом) уровне представление о финно-угорском субстрате селонских говоров, к которым относится и лаздонский (об этом наиболее подробно М.Пойша).

В упомянутой картотеке опроса школьников зафиксировано ещё два латвийских топонима с *Sāmal-*: *Sāmals* болото в Анне и *Sāmalu mežs* лес в Малупе; они, следовательно, локализованы недалеко от границы с Эстонией и дополняют данное этимологическое гнездо латвийских ТФП.

Интерес представляет сопоставление латвийских топонимов с основой на *Sūn-* с финляндскими топонимами с основой на *Sammal-*; наряду с целым рядом совпадающих тенденций можно отметить также несколько моделей, характерных только для Финляндии (по-видимому, отражающих топографическую специфику), напр., *Sammalkallio* (букв. 'моховая скала'), *Sammallahti* (букв. 'моховой залив').

Лембит Ваба (Таллинн — Тампере)

Обособленные балтизмы в эстонском языке

Балтийские заимствования в прибалтийско-финских языках распространены далеко не так равномерно, как принято считать. В докладе обсуждается предположение о том, что соответствующих контактных зон было больше одной.

Докладчик останавливается на проблеме обособленных балтизмов в эстонском языке, рассматривая их на богатом лексическом материале эстонских диалектов, до сих пор мало исследованном.

Существуют убедительные фонетические критерии как с балтской, так и с прибалтийско-финской стороны для отграничения, по крайней мере в большинстве случаев, поздних латышских заимствований в эстонском и ливском языках от более ранних заимствований балтского происхождения.

В Южной и Центральной Эстонии, частично же и по всей территории Эстонии встречаются отдельные балтизмы, которые отличаются фонетической архаичностью. В старину в Юго-Восточной Эстонии было развито бортничество. Именно здесь зарегистрирован древний фрагмент балтской бортнической лексики.

Этимологический анализ эстонской ландшафтной лексики показал, что значительное количество обособленных балтизмов названной понятийной группы сосредоточено в западной части Эстонии. Высказывается предположение, что этот балтский субстрат привнесён балтами, которые были ассимилированы прибалтийскими финнами.

В прибалтийско-финских языках балтских сепаратизмов было, очевидно, больше, чем можно полагать, судя по современному состоянию их распространения. Имеются предварительные данные о существовании позднейших передвижений внутри языковой семьи, в результате которых унифицировалась картина встречаемости балтизмов.

Инесе Ванана (Рига)

Тенденция к унификации типов склонения имён существительных в Асунском говоре латышского языка

1. Асунский говор является одним из глубоких латгальских говоров верхнелатышского диалекта латышского языка, на котором говорят в бывшей Асунской волости на юго-востоке Латгалии на границе с Беларусью.

2. Характерной особенностью фонологической системы говора является наличие оппозиции между палатализованными и непалатализованными согласными, напр., *âdõt* 'мы едим' — *âd'õt* 'мы ели', *ît* 'он идёт' — *î'* 'идти'. Эта особенность отличает верхнелатышский диалект от среднего и ливского диалектов латышского языка и сближает его с соседними языками — литовским, белорусским и русским.

3. Названная особенность фонологической системы обусловила, в частности, изменения в системе склонения имён существительных, которые отошли от унаследованных исторических моделей. В новой системе склонения ясно видна тенденция к унификации парадигм. В результате этого процесса в рассматриваемом говоре сформировались два основных типа склонения: палатализованный и непалатализованный. Принадлежность имён существительных как мужского, так и женского рода к одному из этих типов определяется конечным согласным основы, а именно тем, является он палатализованным или непалатализованным.

4. В непалатализованный тип склонения мужского рода вошли имена существительные исторических *o*-основ, напр., *v'èirs* 'муж', *u*-основ, напр., *òls* 'пиво' и часть *jo*-основ, напр., *m'ešš* 'лес'. В зависимости от некоторых особенностей склонения в этом типе можно выделить четыре подтипа.

5. Палатализованный тип склонения мужского рода от непалатализованного отличает не только характерная палатализация конечного согласного основы, но и некоторые окончания, особенно Acc.Sg. и Loc.Sg. В этот тип вошли исторические *jo*-основы, напр., *brùoļs* 'брат', большинство *jo*-основ, напр., *s'eļš* 'дорога' и основы на согласный, напр., *rud'iņc* 'осень'. В зависимости от некоторых особенностей склонения в этом типе можно выделить пять подтипов.

6. К непалатализованному типу женского рода принадлежат имена существительные с исторической основой на *ā*-, напр., *rūka* 'рука'. У этого типа склонения подтипов нет.

7. В палатализованный тип склонения женского рода вошли имена существительные исторических *jā*-основ, напр. *z'īņa* 'весть', *ē*-основ, напр., *agļa* 'ель' и *i*-основ, напр., *gūš* 'корова'. В этом типе можно выделить пять подтипов.

8. Названные типы склонения имён существительных в Асунском говоре ещё не полностью сформировались: встречаются параллельные формы падежей, можно также выделить подтипы основных типов. Тем не менее тенденция развития очевидна, особенно при сравнении текстов говора, записанных в первой половине и в 80–90 годы XX века.

Петерис Ванас (Рига — Стокгольм)

Употребление форм дебитива в памятниках старолатышской письменности XVI–XVII веков

1. В современном латышском языке глагол имеет специфическую форму дебитива, которая выражает необходимость совершения называемого действия, напр., *jāiet* 'надо идти', *jānes* 'надо нести'. Эти формы регулярно образуются у всех глаголов при помощи префикса *jā*- от формы третьего лица индикатива. Только у глагола *būt* 'быть' форма дебитива образуется нерегулярно: префикс *jā*- + инфинитив — *jābūt*.

2. Уже в начале XX века было отмечено, что в старолатышских текстах формы дебитива, наряду с необходимостью, могут указывать и на наличие или отсутствие объекта действия, напр., *thems nhe gir neeneke yaehde* 'у них нет ничего, что есть', *gir yums scheit kas yaehde?* 'есть ли у вас что-нибудь, что есть?'. В этом же значении формы дебитива засвидетельствованы и в части латышских говоров во второй половине XIX века и в начале XX века, напр., *viņam nebija krēsļa jusād* 'у него не было стула, где сидеть'.

3. Обзор старолатышских текстов конца XVI — начала XVII века позволяет выделить следующие особенности употребления дебитива:

- a) в большинстве случаев формы дебитива имеют значение наличия или отсутствия объекта, или же их можно понимать двояко: *Man gir yums whel doudtze yaszacke* 'у меня есть ещё много, что вам сказать';
- b) формой (конструкцией) дебитива в большинстве случаев переведены немецкие конструкции *haben + zu + инфинитив*, ср., *Ich habe euch noch viel zu sagen*;
- c) конструкции немецкого языка с глаголами *sollen, müssen* переведены только конструкциями так называемого аналитического дебитива: *būs + инфинитив*, напр., *nhe szinneth yuus / ka man buus buuth / exkan tho katters manna Thewa gir?*, ср. нем. *Wisset jr nicht / das ich sein mus in dem / das meines Vaters ist?* 'Разве вы не знаете, что я должен быть в том, что моего отца есть?';
- d) все глаголы, у которых засвидетельствованы формы дебитива, переходные;
- e) объект действия в конструкции с дебитивом в большинстве случаев выражен местоимением, или его вообще нет.

4. В памятниках письменности второй половины XVII века формы дебитива уже широко употребляются в значении необходимости и часто

образуются также от непереходных глаголов, например, в издании Нового завета в 1685 г.: *tas irr man weenu Bausli dewis / kas mann irr jasakka un jarunna* (ср. нем. *der hat mir ein Gebot gegeben / was ich thun vnd reden sol*); *Un wiņņam bija jastaiga zaur Samareju* (ср. нем. *Er musste aber durch Samaritanen reisen*).

5. На основе подобных фактов в докладе предпринимается попытка уточнить происхождение формы и конструкции дебитива, а также проследить их развитие и изменение значения.

Бьёрн Вимер (Констанц)

Полисемия vs. имплицитность: к типологическому портрету современного литовского языка

Если под диатезой мы понимаем соотношение трёх уровней: референтного, семантического и синтаксического (см. Храковский 1981; Генюшене 1987), то это средство описания мы можем использовать для конфронтативного и типологического сопоставления степени имплицитности выражения грамматических явлений в рамках предложения (пропозиции).

Для такого сопоставления в докладе делается первый необходимый шаг. Предпринимается попытка составить картину “диатезного ландшафта” современного литовского языка. При этом особенно учитываются те его черты, которые позволяют взвесить, насколько в литовском языке референтные свойства, семантические роли и валентностные особенности выражаются синкретично или же, наоборот, получают различную трактовку на уровне синтаксиса.

Paweł Wójcik (Warsaw)

Acquisition of Lithuanian. State of the art. Some problems faced by a Lithuanian child while acquiring verb morphology

The presentation consists of two parts. In the first the state of the art in research on the acquisition of Lithuanian will be presented. The way of collecting and processing the data will be described.

The second part presents some results of a study on the acquisition of verb morphology based on the analysis of tape-recorded data of a Lithuanian girl from the age of 1;7 to 2;6. The presentation will be limited to pointing out some of the most interesting errors made by children while acquiring verb morphology.

Of particular interest will be errors pertaining to:

- acquisition of conjugation paradigms — replacement of the ending *-i*, which marks 3rd person of 2nd conjugation verbs, with the 1st conjugation ending *-(i)a*: **mylia* for *myli*, **tuja* for *turi*, **gulia* for *guli*, etc.

- stem change: **mēga* (*mēgsta*), **kasta* (*kanda*), **tilpa* (*telpa*), **masēm* (*mētēm*), **nekank* (*nekrisk*), **nepazinam* (*nepažīstam*).
- prefixation, e.g.: omission of a prefix: **Ø-tetyti* for *ati-daryti*; marking the prefix with a filler (neutral vowel *a* or reduplicated syllable): **a-tetyti* for *ati-daryti*, **de-dēti* for *pa-dēti*.
- suffixation: omission of a suffix: **skama* and **kamba* for *skambina*; truncation of a suffix: **nesokinsiu* for *nešokinēsiu*; use of inappropriate suffix: **nekandysiu* (*nekandžiosiu*), **dainuojau* (*dainavau*).
- acquisition of reflexives, e.g.: omission of the particle *-si(-)*: **ne-Ø-kelk* for *ne-si-kelk*; marking the particle with a filler (reduplicated syllable): **akikēlē* (for *atsikēlē*); leaving the particle at the end of the word while using a prefixed form: **ne-tiupa-s* for *ne-si-supā*.

Леонард Георгиевич Герценберг (Санкт-Петербург)

Velta Rūķe-Draviņa: к восьмидесятилетию

Замечательный латышский языковед Велта Руке-Дравиня родилась 25-го января 1917 г. в Валмиере (нем. Wolmar), — там же, где родился великий латышский лингвист Янис Эндзелин (1873–1961), ученицей которого она и была. Возможно, что именно валмиерский говор как-то обуславливал лингвистические способности: это один из тех немногих говоров латышского языка, в котором представлены три слоговых интонации — именно то, что придаёт языку столь неповторимую мелодику.

В 1939 г. В.Руке-Дравиня закончила Латвийский Университет в Риге, в 1940–1944 гг. в нём и работала. Затем, в эмиграции, она в 1948–1968 гг. была профессором Лундского Университета (Швеция), в 1969–1984 гг. работала в Стокгольмском Университете. Признанием несомненных заслуг профессора В.Руке-Дравини явилось избрание её действительным членом Шведской Королевской Академии Литературы, Истории и Древностей (1980), а несколько позже — Латвийской Академии Наук.

Новым словом в науке явилась первая её значительная работа, написанная вместе с мужем, Карлисом Дравиньшем. Эта работа содержит описание западнолатышского (“тамского”) говора пос. Стенде, находящегося на полдороги между Ригой и Вентспилсом, и его окрестностей. Значимость этой работы в том, что была описана форма балтийской речи с выраженной тенденцией к аналитизму, с очень своеобразным звуковым обликом — в этом говоре шесть слоговых интонаций! Благодаря этому описанию в распоряжении лингвистов оказался интереснейший образец траектории языкового развития.

Для научного творчества В.Руке-Дравини всегда был характерен обострённый интерес к социолингвистической проблематике. Её труды посвящены латышской детской речи (*Zur Entstehung der Flexion in der Kindersprache. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1/2, 1959; *No pieciem mēnēsiem līdz pieciem gadiem. Stockholma*, 1982), такой редкой теме как

женская речь (Einige Beobachtungen über die Frauensprache in Lettland. Orbis 1, 1952), проблеме литературной нормы (Vārds īstā vietā. Stockholma, 1974; The Standardisation Process in Latvian. 16th Century to the Present. Stockholm, 1977), языковым контактам (Språk i kontakt. Stockholm, 1969).

Многочисленные другие работы В.Руке-Дравини посвящены широкому спектру вопросов латтонистики, балтистики и балто-славянской проблематики, общего языкознания. Было бы целесообразно издать на русском языке сборник её избранных сочинений.

Inguna Greitāne (Riga)

Preference rules for automated syntactic analysis of the Latvian language sentences

One of the main problems for automated parsing (syntactic analysis) systems is ambiguity of the natural language. When the rule-based parser describes language it tries to cover all possible sentences of the language. It causes a situation when several parsing rules can be applied in the same time. As result several parsing results can be obtained. One of the possible solutions is to introduce preference rules which determine the order in which the parsing rules are applied.

The Latvian language has a relatively free word order. Therefore the rule-based parser is based on the assumption that the sentence in Latvian consists of constituents. Each constituent is either independent and has some functional role in the sentence or is a part of another constituent. Some constituents are recursive. The parsing system for Latvian allows following constituents: complex noun phrase, noun phrase, genitive noun phrase, verb phrase, complex non-finite verb phrase, post-attributive phrase, complex adjective phrase, adjective phrase, adverbial phrase. Complex noun phrase, verb phrase, adverbial phrase and adjective phrase are independent constituents in our system.

The syntactic analysis of the sentence is divided into two stages: preparsing stage and parsing stage. The objective of the preparsing stage is to find the main verb of the sentence and to determine the sentence type. The goal of the parsing stage is to find syntactic constituents of the sentence.

At the preparsing stage the sentence is analysed from left to right until the main verb is found. If the verb is in finite form and it is not a part of a subordinate clause, it is accepted as the main verb. When the main verb is found, the preparsing determines the whole verb phrase. The type of sentence is also determined at the preparsing stage.

At the parsing stage the parser analyses words from left to right, combines them in constituents and determines their functional roles. Because the size and functional role of a constituent may depend on context, two basic parsing rules were introduced:

- preference rule for constituent boundaries

Since Latvian is a language with a considerable degree of syncretism, the possibility to build constituents is very great. For instance, the genitive singular and nominative plural for nouns of the fourth declension are the same (*māsa*

'sister' — *māsas* Gen.Sg, Nom.Pl.) and could be both a part of noun phrase and entire noun phrase itself.

Studies of Latvian texts allow to solve this difficulty with the following preference rule:

**The length of a constituent is the maximal possible length
allowed by constituent rules.**

- preference rule for constituent search:

The order for the constituent test is: subject, object, adverbial.

This rule determines the order in which the computer tries to find the constituents of the sentence. It is based on the observation that the most common word order in Latvian is SVO. The rule correctly analyses sentences with another word order as well, but the analysis may be incorrect in sentences where the subject and object are graphically identical.

The described preference rules are included into MT system LATRA and have been used successfully for the translation of simple texts.

Pietro Umberto Dini (Potenza)

Jan Długosz und die baltischen Sprachen. Baltische Sprachen und Kulturen in der Renaissance *

§1. Jan Długoszs berühmtes Werk, die *Historiæ Polonicæ*, die bekanntlich erst am Anfang des XVII. Jh. zum ersten Mal veröffentlicht wurden, enthält einige Äusserungen über die baltischen Sprachen, die vom Gesichtspunkt der *Historiographia Linguistica Baltica* von großer Bedeutung sind.

Długosz kennt nur drei Stämme (bzw. Sprachen): Preußisch, Jatwingisch, Litauisch mit Žemaitisch; dabei werden andere baltische Stämme (bzw. Sprachen) nicht berücksichtigt. Die interessantesten Äußerungen über dieses Thema findet man in dem zweiten Buch des vielbändigen Werks Długoszs.

§2. Długosz berichtet (*verisimilis præsumptio*) über die römische Herkunft der Litauer und der Žemaiten (*Latini generis esse*). Nach der Meinung Długoszs wäre es auch möglich, daß Litauer und Žemaiten nicht gerade von den alten Römern sondern von einem anderen (unbestimmten) Stamm lateinischen Namens (*ab aliqua gente latini nominis*) abgeleitet werden könnten.

In demselben narrativen Zusammenhang werden sowohl die Verbundenheit der Jatwinger mit dem Stamme und mit der Sprache von Litauern und Žemaiten als auch die römische Herkunft dieses Völkes angeführt.

Was die Sprache der Preußen betrifft, stellt Długosz fest, daß die Preußen eine besondere Sprache haben (*speciale habens idioma*), die nur zum kleinen Teil (*aliquantum*) vom Lateinischen abstammt, aber mit dem Litauischen in vielen Fällen übereinstimmt (*cum Lithuanico habet concordantiam aliquam et paritatem*) und auch

*Diese Untersuchung ist ein Teil des Forschungsvorhabens, das durch der Alexander von Humboldt-Stiftung in den Jahren 1996-1997 in Göttingen ermöglicht wurde.

eine griechische Komponente zeigt (nonnulli Prutheni priscae linguae [graecae] retinentes oracula [d.h. verba]). Die Unterschiede zwischen dem Preußischen und dem Litauischen werden in Folge der Narration ins Detail ausgedrückt.

§3. Zusammenfassend ist von den oben analysierten Materialien her möglich, ein gewisses Gesamtbild Długoszs hinsichtlich der baltischen Sprachgruppe und deren Herkunft zu schildern. Insoweit die von Długosz angeführten Nachrichten und Argumente sich sowohl auf die synchrone Lage als auch auf die Vergangenheit der einzelnen Sprachen beziehen, soll eine Darstellung der Długosz'schen Auffassung des baltischen Sprachgebiets beide Aspekte in Waage nehmen.

Długosz scheint viel mehr an die gegenseitigen Verhältnisse innerhalb der baltischen Sprachen interessiert zu sein. Seine Kenntnis in bezug auf die Herkunft wie sie von seinen Schriften vorkommt ist aber nicht immer eindeutig und kohärent. Einerseits weist Długosz auf eine gewisse Gemeinsamkeit in der Vergangenheit zwischen Preußen und Litauern-Žemaiten (ohne die Jatwinger zu nennen) hin, andererseits behauptet er, daß das Preußische eine griechische und das Litauische eine römische Herkunft haben. Diese letzte Auslegung der Materie ist bei Długosz mit bestimmten historischen (die Bürgerkriege im alten Rom) bzw. mit nur ausgedachten Begebenheiten (die Ankunft Prusias' und der Bithyner ins Baltikum) verbunden.

Man kann freilich die *Historiae Polonicae* als ein echtes Ausstrahlungswerk für einige Sprachauffassungen über die baltischen Sprachen halten, die später ein relativ autonomes Leben gekannt hatten, und auch Ergänzungen von anderen Autoren erhalten haben.

Zwei Auffassungen über die baltischen Sprachen sind bei Długosz besonders wichtig; ich würde vorschlagen, sie die Römische bzw. die Griechische Sprachauffassung zu nennen.

Quelle:

Joannis Długossii seu Longini Canonici Cracoviensis *Historiae Polonicae libri XII*. Opera Omnia cura Alexandri Przewdziecki edita. Cracoviae ex typographia Kirchmayeriana, 1863–1878.

Фатима Абисаловна Елоева (Санкт-Петербург)

**К истории одного из переводов Томаса Венцловы
на французский язык**

Русскому читателю Томас Венцлова известен прежде всего как друг, постоянный “поэтический собеседник” и единомышленник Иосифа Бродского, как замечательный литовский поэт — последнее опять-таки становится очевидным по переводам Венцловы, сделанным Бродским, — а также тонкий знаток и ценитель русской литературы (ср. недавно опубликованное на русском языке в Вильнюсе в издательстве *baltos lankos* собрание статей о русской литературе “Собеседники на пиру”).

Моё отношение к литовской поэзии слишком субъективно и поэтому в своём сообщении я хотела бы выступить лишь как читатель и участник некоторых событий.

Лично для меня Томас Венцлова был первым литовским поэтом, который на фоне довольно обычного для русскоязычного человека увлечения литовским языком поразил моё воображение и захватил меня именно как поэт, а значит, помог в действительности преодолеть реальный языковой барьер, некую значимую этнолингвистическую границу — представляется, что эта граница преодолена, когда поэзия на другом языке начинает ощущаться как родная и запоминается при первом чтении и когда одновременно непринужденно ведутся телефонные разговоры.

Человеком, которому я обязана знакомством с творчеством Венцловы, был Ромас Катилиус — ленинградский физик, друг Венцловы, который познакомил Иосифа Бродского с Томасом Венцловой, и таким образом, косвенным образом способствовал созданию гениальных литовских стихов Бродского.

Находясь под сильным впечатлением стихов Т.Венцловы, я однажды прочла их своему другу — блестящему переводчику на французский язык русской поэзии и прозы Андрею Марковичу (он, в частности, довольно много переводил и Бродского). Я прочла ему одно из особенно понравившихся мне стихотворений и дала ему подстрочник и он сразу при мне прямо с голоса начал переводить стихотворение на французский. Так возникли его переводы Венцловы, опубликованные впоследствии в журнале *Lettre Internationale*.

Впоследствии, благодаря Венцлове и при его посредстве я научилась воспринимать и других литовских поэтов — Йонаса Мекаса, Альгимантаса Мацкуса, Паулюса Ширвиса, Хенрикаса Нагиса. Это замечательные сильные поэты, но прийти к ним иным путем, не через Венцлову, для меня, как человека, привыкшего читать русскую поэзию, было бы невозможно.

По-видимому, последнее обстоятельство определяется тем, что Томас Венцлова творит и дышит в пределах русской поэтической традиции: это в равной степени относится и к поэтической технике Венцловы, и к его интонации. Очевидно, что самостоятельным сюжетом для исследования может стать проблема влияния на поэзию Т.Венцловы поэзии О.Мандельштама. По-видимому, — и это чрезвычайно интересно культурологически — это “русское поэтическое дыхание” Венцловы отчасти определяет и его относительную не востребованность в современной Литве — этой зимой, обойдя все книжные магазины Вильнюса, я не смогла найти ни одного издания Томаса Венцловы.

Ванда Пятровна Казанскене (Санкт-Петербург)

***Sula salva, alus alva* (к этимологии литовского *alus* ‘пива’)**

Литва является одним из районов традиционного пивоварения в Европе. Название “*пива*” при этом не имеет сколько-нибудь принятой этимологии, хотя само слово засвидетельствовано в литовском, прусском (с изменённой семантикой) и латышском языках. В литовском — не позднее конца XVII века, причём в контексте, связанном с литовской этнографической спецификой.

Из предложенных этимологий слова заслуживают внимания следующие:

- 1) предполагающая заимствование из германских языков (Hirt, Būga);
- 2) предполагающая миграционность термина (Гамкрелидзе и Иванов);
- 3) предполагающая индоевропейскую (или общепольскую) древность слова (Machek, Kiparsky).

Несколько в стороне остались важные, на наш взгляд, замечания К.Кузавиниса, который упомянул возможность связать литовское “*пиво*” с глаголом *alėti, alvėti* ‘медленно течь’ и с рядом литовских топонимов и гидронимов. Эта точка зрения оспаривалась (Топоров. Прусский язык).

Связь *alūs* с *alėti* кажется правдоподобной с точки зрения словообразования, ср. производные от непереходных глаголов со значением ‘медленно течь’: *sálti, salvėti* ‘медленно течь, просачиваться’ — *sulà* ‘(древесный) сок’ (*iš beržo sulà salva* ‘из берёзы течёт сок’) точно так же как и *alėti, alvėti* ‘медленно течь, просачиваться’ — *alūs* ‘пиво’ (*alva sulà iš beržo* ‘из берёзы течёт сок’). К этой группе примеров может быть отнесено и *alėte išalėjo alūs* ‘пиво вытекло, т.е. его не осталось’.

Если данное сопоставление правомерно, то семантически мы приходим к описанию важнейшего процесса в пивоварении, при котором сперва говорится *maišyti putrą* ‘замешивать молотый солод’ а затем *tekinti alų* (каузатив от *tekėti* ‘медленно течь’) ‘фильтровать пиво’.

Важно, что именно с этого момента (когда ещё не добавлен хмель) пивовары уже говорят о “*пиве*”. Поэтому принятое прежде семантическое развитие от идеи “горького” (лат. *alumen* ‘квасцы’) должно быть оставлено, а вместо этого использована иная семантическая и словообразовательная параллель. Конечно, с точки зрения словообразования лит. *sulà* (o-основа) и лит. *alūs* (u-основа) не могут быть сведены воедино. Однако отметим, что существительные с основой на -i- являются древними и повсеместно вытеснявшимися в литовском языке (Skardžius, Откупщиков). О древности и исконности таких пар как *alėti, alvėti* ‘медленно течь, сочиться’ — *alūs* ‘то, что сочится’, т.е. ‘пиво’ могут говорить такие, безусловно архаичные пары как *deĩgti* ‘закрывать, покрывать’ — *dangūs* ‘то, что покрывает’, т.е. ‘небо’.

Инга Клевере (Рига — Сомбатхей)

Сложные времена латышского глагола: роскошь или необходимость?

Деление глагольных времён на простые и сложные представлено уже в первых латышских грамматиках XVII века. Авторы грамматик разрабатывали модель описания категории времени латышского языка, ориентируясь на развитые системы простых и сложных времён латинского и немецкого языков. Представление системы времён в грамматиках конца XIX — начала XX века (А.Стерсте, К.Мюленбах, Я.Эндзелин) то же, что и в наши дни: каждому простому времени (Praesens, Praeteritum, Futurum) соответствует сложное время (Perfectum, Plusquamperfectum, Futurum exactum).

Сложные времена образуются от личных форм глагола *būt* 'быть' и действительного причастия прошедшего времени (*-is, -usi, -ies, -usies*) спрягаемого глагола. Однако, в латышском языке нередко встречаются случаи, когда личная форма глагола *būt* выступает не как вспомогательный глагол в составе аналитической формы, а как связка в сочетаниях слов, которые лишь в синтаксическом аспекте оцениваются как неделимые, то есть как номинальные или адвербиальные сказуемые. Важно осознать, что отделяет сочетание *būt + -is, -usi, -ies, -usies* как морфологическую форму от подобного рода сочетаний как синтаксических единиц.

Факторы, которые позволяют трактовать соединения *būt* (в личных формах) + *-is, -usi, -ies, -usies* (действительное причастие прошедшего времени) как формы, входящие в парадигму спряжения глагола, следующие:

- 1) действительные причастия прошедшего времени образуются от любых глаголов — как от переходных, так и от непереходных, как от невозвратных, так и от возвратных, — в образовании этого причастия нет ограничений;
- 2) в этих соединениях действительное причастие прошедшего времени (в принципе номинальная форма) выражает законченное действие или достигнутое состояние — значения, которые характерны для глагола; личные формы вспомогательного глагола *būt* фиксируют грамматическое время в тексте;
- 3) эти соединения как морфологические формы имеют в языке развитую систему функций, часто значения простых и сложных форм глагола очень близки, но не идентичны.

Юрате-София Лаучюте (Санкт-Петербург)

Литовский язык в Российской империи

Литовский язык в Российской империи зазвучал в самом конце XVIII в., после того, как в состав империи была включена большая часть Польско-Литовского государства.

В 1796 г. из Виленской (Вильнюсской) и Слонимской губерний была образована Литовская губерния, но уже в 1802 г. было восстановлено прежнее административное деление на Виленскую губернию и Слонимскую, позднее преобразованную в Гродненскую. А в 1840 г. Николай I окончательно запретил употребление названия Литва.

Согласно переписям населения Российской империи, проведённым в середине XIX в. по инициативе Петра Кеппена, число литовцев достигало тогда 2 458 825 человек. В это число, естественно, не входят литовцы, проживавшие на тех территориях, которые отошли к Пруссии (сегодня входящих в состав Калининградской области), т.е. в Малой Литве, а также иммигранты, которых в те годы только в Северной Америке насчитывалось до трёхсот тысяч.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., литовскоговорящее население отмечено в Ковенской, Сувалкской,

Вильнюсской, Гродненской, Курляндской, Лифляндской губерниях. В последней литовцы отмечены исключительно среди городского населения, что свидетельствует об их некоренном (иммигрантском) происхождении. В остальных губерниях литовский язык являлся языком коренного населения, при этом в Ковенской и Сувалкской губерниях литовцы составляли этническое большинство. В Сувалкской губернии количество литовцев более чем в два раза превышало второй по численности этнос — поляков. В Вильнюсской же губернии литовцы являлись второй (после белорусов) этнической группой по численности; за ними по убывающей шли евреи, поляки и русские.

В результате миграции, вызванной экономическими и культурными причинами, к середине и второй половине XIX в. значительные энклавы литовцев появились в таких промышленных и научных центрах империи, как Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Киев, Казань и др., а в начале XX в. самая многочисленная диаспора литовцев образовалась именно в столице империи. Этому особенно способствовал осуществленный в 1842 г. перенос из Вильнюса в Санкт-Петербург Императорской Духовной Академии, которая готовила высшее католическое духовенство.

Литовская диаспора Санкт-Петербурга сыграла особую роль в развитии литовского языка времён империи. Вынужденное общение в территориально ограниченном центре носителей очень различающихся в языковом отношении литовских диалектов, а также печатно-издательская деятельность на литовском языке стимулировала потребность в выработке понятного для всех литературного литовского языка и упорядоченной орфографии. И в той, и в другой области литовцы Санкт-Петербурга особенно преуспели в самый мрачный период для литовского языка и культуры: с 1864 по 1904 гг., когда царская администрация запретила письменность на литовском-латинском алфавите, а литовский язык изгнала из всех сфер публичной, общественной жизни, из школ и даже пыталась изгнать из литовских костёлов.

Аранка Лацхази (Будапешт)

Заметки к выражению аспектуальных значений в литовском языке

Поле аспектуальности в литовском языке характеризуется частичной грамматикализацией аспектуальных различий, наличием “квазивидовых” образований и разных видо-временных форм. Таким образом, его можно считать промежуточным между славянским типом аспектуальных противопоставлений с грамматической категорией вида в центре, с одной стороны, и языками без грамматикализованных средств выражения данных категорий, с другой. В докладе будет сделана попытка уточнить понятие этой “промежуточности” литовского языка.

При изложении вопроса я буду опираться в частности на результаты типологического исследования, проведённого в конце 80-х годов (Dahl, 1987). В

рамках этого проекта были проанализированы аспектуально-временные системы около 70 языков на основе переводов объёмного списка предложений. Балтийские языки не были включены в этот проект. Применение этого же метода изучения к литовскому языку (т.е. анализ литовских эквивалентов таких же предложений) позволяет а) выделить те функционально-семантические категории, которые создают центр литовской аспектуальной системы и б) по частоте различных средств выражения этих категорий дать типологическую характеристику поля аспектуальности литовского языка.

Вторая часть доклада будет посвящена вопросу о степени грамматикализации аспектуальных различий в литовском языке. Основным показателем морфологического выражения аспектуальных оппозиций большинство исследователей считает не противопоставление бесприставочных и приставочных глаголов (как это, однако, наблюдается в традиционных грамматиках литовского языка), а наличие в системе данного языка механизма так называемой вторичной имперфективации перфективных глаголов. Поэтому следует обратить особое внимание на взаимоотношение итеративности и имперфектности при суффиксальной имперфективации приставочных литовских глаголов типа *perrašinėti*.

Лидия Лейкума (Рига)

Коротко о латгальской письменности

1. Уже с начала XVIII века латыши имеют две письменные традиции — нижнелатышскую и верхнелатышскую. Первой — теперешнему общенациональному латышскому литературному языку — в основу легли земгальские говоры среднего диалекта. Латгальская письменность образовалась на основе латгальских говоров верхнелатышского диалекта.

2. Латгальский письменный язык основан иезуитами, активно действующими в Латгале уже с начала XVII века. Форма письма — антиква. Авторы изданий — в основном поляки и литовцы, поэтому в лексике (особенно изданий светского характера) много полонизмов. Начиная с последнего десятилетия XIX века, латгальская письменность формируется самими латгальцами — латышами Латгале. В наши дни латгальский письменный язык снова функционирует в Латгале как региональная форма общения.

3. Образование второй латышской письменности обусловливается историческими событиями, происходившими в разных краях Латвии по-разному. Латгале длительное время оказалась отторгнутой от остальной территории Латвии, что привело к образованию здесь своеобразной материальной и духовной культуры.

4. Первая латгальская книга (духовные песни, 1730) до наших дней не сохранилась. Нормирующим образцом латгальской письменности становится следующая — “*Evangelia toto anno...*” (1753), закрепляющая в письме польскую

орфографию со всеми её графическими особенностями. Книга — переводы фрагментов Нового завета и других духовных текстов.

5. В XVIII и первой половине XIX вв. в Латгале доминируют тексты религиозного характера. Многие издания (их отрывки) перепечатываются (особенно большими тиражами молитвенники 30-х гг. XIX в., используемые в приходских школах как книги для чтения). Следует также отметить переводы Священного Писания с комментариями “Wyssa mocieyba katolizska” (1805). Из изданий светского характера следует выделить труды выпускников Краславской духовной семинарии (1757–1844) — первую грамматику (1817), первую (1832) и лучшую (1850) научно-популярные книги XIX века, первый словарь (1858), а также календари (1862–1871) Г.Мантейфеля. Латгальской письменности и культурному развитию в целом большой ущерб наносится периодом запрета печати (1865–1904). После него использование польской орфографии уже не возобновляется.

6. Начало XX в. значительно первыми собраниями по обсуждению вопросов орфографии, первыми периодическими изданиями, грамматикой О.Скрынды (1908), а также бескорыстным трудом на благо народа первых представителей латгальской интеллигенции — Ф.Трасуна, Н.Ранцана, Ф.Кемпа, братьев Скрынд, П.Смельтера, В.Сейле и др. Латгальское правописание переживает несколько попыток его усовершенствования. Нормативной для всех пользователей становится орфография, разработанная комиссией П.Строда в 1927–29 гг. и узаконенная Министерством просвещения Латвийской Республики. Ею (с некоторыми отступлениями) пользуются также деятели латгальской культуры в эмиграции. В Латвии в послевоенные годы фактически царит второй запрет латгальской печати.

7. На родину латгальская письменность возвращается лишь в годы Пробуждения; вновь активизируется обсуждение вопросов правописания (графики).

Аста Ляскаускайте (Вильнюс)

Депалатализация согласных и вокализм переднего ряда в юго-западных литовских говорах

1. Вокалическую систему юго-западных литовских говоров можно изобразить как четырёхугольник, так как одни говоры различают семь, другие восемь гласных фонем (Janulynaitė, 1994; Burdinaitė, 1994; Radžiukynaitė-Truskienė, 1992; Varanauskaitė, 1995). По признаку ряда передние гласные $i^{(1)}$ (ср. русск. *и*), ie (ср. русск. *е*), $e^{(1)}$ (ср. нем. *e* в слове *nehmen*), $e^{(2)}$ (ср. англ. *e*) противопоставляются задним $u^{(1)}$ (ср. русск. *у*), uo , $o^{(1)}$ (ср. русск. *о*), $a^{(1)}$ (ср. русск. *а*), см. схему 1.

Схема 1. Общая вокалическая система юго-западных литовских говоров

$i^{(c)}$	$u^{(c)}$
ie	uo
$e^{(c)}$	$ɔ^{(c)}$
$(e^{(c)})$	a ^(c)

2. В юго-западной части литовских говоров (Рудамина, Сейрияй, Вейсейя, Лейпалингис, Марцинконис, Друскининкай) многие согласные (*s, š, z, ž, c, ʒ, l, r*) перед гласными переднего ряда депалатализируются, например, *pùsɛ* ‘половина’, *pèrag'u* ‘не вижу’, *p'ė'lanus* ‘пенел’ и др. В меньшей части данной территории (Капчяместис, Липлюнай, Лейпалингис) депалатализируются и губные *p, b, m* и губно-зубной *v* (Markevičienė, 1971, 55–70; Zinkevičius, 1994, 44–45 и др.), например, *vɛ* ‘снова’, *bɛ'ga* ‘бежит’, *mɛ'nuoj* ‘месяц’, *ká.rvɛ* ‘корова’ и др. К выше названным согласным иногда примыкает даже смычный *t*, например, *atɛ'd'ɛ* ‘отвел’, см. схему 2.

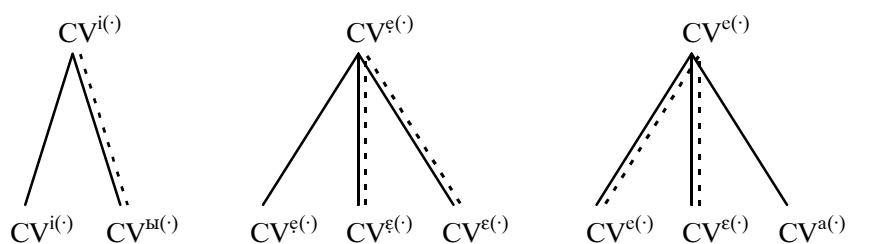
Схема 2. Артикуляционная схема согласных юго-западных литовских говоров

Место образования			Губные		Губно-зубные		Переднеязычные				Среднеязычные		Заднеязычные	
							Зубные		Альвеолярные					
			Способ образования			Палатальные	Непалатальные	Палатальные	Непалатальные	Палатальные	Непалатальные	Палатальные	Непалатальные	Палатальные
Ш	Смычные	Звонкие	b'	b			d'	d			(g')		g'	g
		Глухие	p'	p			t'	t			(k')		k'	k
М	Фрикативные	Звонкие			(v')	v	(z')	z		ž				
		Глухие			f'	f	s'	s		š				
Ы	Аффрикаты	Звонкие						ʒ	(ž')	ž				
		Глухие						c	(č')	č				
сонорные			(m')	m			n'	n	l'	l	j			

3. После депалатализованных согласных гласные типа *i* и *e* реализуются неодинаково. Вокализм типа *i* либо остаётся передним ($CV^{i(c)} \rightarrow CV^{i(c)}$, например, *rišc'* ‘вязать’, *žĩnɔ* ‘знает’), либо получает признаки задней артикуляции ($CV^{i(c)} \rightarrow CV^{m(c)}$, например, *šaš'ĩ* ‘шесть’). Последнее, то есть *ы*^(c), чаще всего выступает после латерального *l* (например, *lɛ'lbĩ* ‘куклой’) или в заимствованиях (например, *gaspad'ĩn'ɛ* ‘хозяйка’). Приблизительно так же реализуется и дифтонгоид *ie*.

4. Вокализм типа *e* после депалатализованных согласных реализуется иным образом нежели вокализм типа *i*. Гласный среднего подъёма $e^{(c)}$ реализуется 1) как $e^{(c)}$, например, *beĩ.gɛ's'i* ‘кончилось’, 2) как $ɛ^{(c)}$, например, *b'i.rɛ's* ‘будет сыпаться’, *žã.mɛ.s* ‘земли’, 3) как $e^{(c)}$, например, *pus'ĩš'ó.vɛ* ‘застрелился’. Гласный нижнего подъёма $e^{(c)}$ реализуется 1) как $e^{(c)}$, например, *scɛnɔ.s* ‘сцены’, 2) как $a^{(c)}$, например, *sasùlɛ* ‘сестричка’, *v'iras'n'ɛ.s* ‘старшей’ (Gen.Sg.), *k'aulàs* ‘свиней’ (Acc.Pl.), 3) как факультативный вариант — $ɛ^{(c)}$, например, *pavėžɛ.s* ‘подвезёт, -ут’.

Схема 3. Вокализм переднего ряда после депалатализованных согласных

5. Различие реализации гласных фонем переднего ряда после депалатализованных согласных обусловлено их разными артикуляционными признаками по подъёму: гласные верхнего и средневерхнего подъёма $i^{(1)}$, ie отличаются от гласных среднего и нижнего подъёма $e^{(1)}$, $e^{(1)}$ высоким тоном и интенсивностью (напряжённостью), к тому же задняя часть языка высоко поднимается к мягкому нёбу, — из-за этого после депалатализованных согласных они реже реализуются как гласные заднего ряда.

Эверита Милчонока (Рига)

Употребление предлогов в тексте фрагмента “Lettische Postill” (1654) Г.Манцеля

1. Морфологические варианты — одна из особенностей старых текстов, дающая информацию об историческом развитии языка. В данной работе морфологические варианты в употреблении предлогов рассматриваются на материале фрагмента “Lettische Postill” (1654) Г.Манцеля.

2. В результате исследования предлогов в тексте фрагмента Книги проповедей Г.Манцеля можно констатировать следующее. Во множественном числе после всех предлогов употребляется общая форма датива и инструменталиса. Если за предлогом следует существительное в единственном числе, отмечаются колебания, что объясняется отсутствием строгих правил, подобных тем, которыми определяется управление предлогов в современном латышском языке, где предлог управляет одним падежом, а управление двумя падежами, характерное для некоторых предлогов, связано с различием значений.

3. Имеется ряд предлогов (*caur, iekšan, no, rēc, pie, uz, vīrs*) в употреблении которых замечены две закономерности:

- существительные мужского рода после этих предлогов употребляются только в accusative;
- существительные женского рода после этих предлогов как правило стоят в форме genitive, но в некотором количестве случаев употреблены в форме accusative.

4. Эти закономерности отражают особенность куронских и земгальских говоров — употребление accusative в единственном числе после “генитивных” предлогов. Подобные особенности управления наблюдаются не только в Курземе

и Земгале, но и в большой области на северо-западе Видземе, что объясняет их сохранение в литературном языке вплоть до второй половины XIX века.

5. Начиная с древнейших письменных источников, конструкции с предлогом *caur* выражают производителя действия или предмет, который расценивается как средство, причина, способ реализации какого-либо действия, процесса. Вплоть до XIX века такие конструкции составляют 80–90% от общего количества конструкций с предлогом *caur*, что несомненно объясняется влиянием немецкого предлога *durch*. Такие конструкции встречаются и в тексте Г.Манцеля, напр., *caur dažādāms zīmēms, caur savu vārdu un tiem diviem iestādījumiem*.

6. Предлог иллативного происхождения *iekš* (< *iekšan*) в работах Г.Манцеля встречается в различных написаниях: *exan, exca(n), eckschkan, eckscan, eckschkan*. В литературном языке предлог *iekš* распространился под влиянием немецкого и/или латинского языка и является одним из наиболее часто встречаемых предлогов в старейших памятниках письменности до второй половины XVII века. В исследуемом фрагменте Книги проповедей предлог *iekšan* также является одним из наиболее часто употребляемых, напр., *iekšan pils Jeruzalem, iekšan tās svētas ticibas, iekšan šo kungu, iekšan to svētu vakar=ēdien*.

7. Предлог *no* чаще всего встречается в исследуемом фрагменте Книги проповедей. В первых грамматиках конструкции с предлогом *no* описываются как отдельный падеж — аблатив — по образцу латинского языка. При этом указывается, что существительное женского рода после *no* употребляется в Gen.Sg., а существительное мужского рода — в Acc.Sg. Это управление иллюстрируется примерами из народного языка. Его реальность подтверждает и материал Книги проповедей.

8. Конструкции с предлогом *rēc* подтверждают тенденцию к употреблению разных падежей после предлогов. Этот предлог сочетается с наибольшим количеством падежей: здесь встречаются уже известные конструкции с существительными женского рода в форме Gen.Sg., а также и Acc.Sg., с существительными мужского рода в форме Acc.Sg. Кроме того, в Книге проповедей встречается употребление послелога *rēc*, когда в единственном числе ему предшествует местоимение мужского рода в форме Dat.Sg.: *tam rēc, citam rēc*. Употребление предлога *rēc* с существительными во множественном числе соответствует нормам современного латышского языка.

9. По указанию Я.Эндзелина, наряду с предлогом *pie* > *pe* в старых текстах встречается и *ru*. В тексте Книги проповедей Г.Манцеля отмечен лишь предлог *ru*, о котором писал А.Бикертс, считавший, что “росший в районе, который находился на границе с Литвой, Манцель, очевидно, испытал влияние литовского языка”. Не соглашаясь с объяснением Бикерта, Л.Берзиньш утверждает, что предлог *ru* является типичной особенностью земгальских говоров.

10. В Книге проповедей Г.Манцеля наряду с написанием предлога *uz* как *us* встречаются формы *vz* и *uhs*. Кроме предлога *virs* встречается также форма иллатива *virson*, напр., *virson zemmes, virs lauku*. Употребление этих предлогов также подтверждает тенденцию к управлению несколькими падежами — в противоположность ситуации, имеющей место в современном латышском языке.

11. В конструкциях с предлогами наблюдается также ряд морфологических вариантов существительных, напр., форма Acc.Sg. без окончания у существительных \bar{e} -основы наряду с формами с окончанием *-i* или *-u*; переход существительных из одной основы в другую (*ar taviem actiņiem; no tās baubles, par tautiem*).

Nikolai Mikhailov (Pisa — Leiden)

Zu den slawischen “Etymologien” der baltischen Theonyme im Traktat A. Frenzels

Das von Abraham Frenzel (1656–1740) am Ende des 17. Jahrhunderts verfaßte Werk *Commentarius philologico-historicus de diis Soraborum aliorumque Slavorum, In quo Slavorum antiquitates, multaque hactenus obscura illustrantur, aut minus recte intellecta · scripta corriguntur* enthält unter anderem eine Liste der Theonyme der “sorbischen” Götter. Es handelt sich (um):

«I. *De Svantevito*..; II. *De Radegasto*..; III. *De Vitho*..; IV. *De Porevitho*..; V. *De Provo*..; VI. *De Siwa*..; VII. *De Porenuito*..; VIII. *De Slota Baba*..; IX. *de Ciza*..; X. *De Potrimpo*..; XI. *De Occopirno*..; XII. *De Percuno*..; XIII. *De Perdoito*..; XIV. *De Pogoda*... / *Podaga*..; XV. *De Jutrobogo*..; XVI. *De Schvvaixtixio feu Zviczio*..; XVII. *De Vorskaito et Schvveibrato*..; XVIII. *De Dzievvauna feu Dzievonia*..; XIX. *De Antypo*..; XX. *De Pilvito*..; XXI. *De Pergubrio*..; XXII. *De Curcho*..; XXIII. *De Henillo*..; XXIV. *De Trigla*..; XXV. *De Pufceto*..; XXVI. *De Svitiboro five Zuttibero*..; XXVII. *De Püftrico*..; XXVIII. *De Aufschvveit*..; XXIX. *De Marzava*..; XXX. *De Flynifo*..; XXXI. *De Czernibogo*..; XXXII. *De Picello*..; XXXIII. *De Barschuccis et Marcopetis*..; XXXIV. *De Koltkis five Kobalis*; XXXV. *De Daemone Meridiano*; XXXVI. *De Deabus Luititiorum · Equo corundem*».

In diesem Fall geht es natürlich um eine sekundäre Quelle, die einen eher wissenschaftlichen Versuch darstellt, einige glaubwürdige, aber auch einige zweifelhafte Informationen hinsichtlich des slawischen und baltischen Heidentums zu verallgemeinern. Obwohl Frenzel über die sorbischen, d. h. slawischen Götter spricht, merkt man, daß in seiner Liste mindestens 19 Gottheiten bzw. Götternamen baltischer, hauptsächlich prussischer Herkunft sind, vgl. Nr. 10, 11, 12, 13, 16 (zwei), 17 (zwei), 19, 20, 21, 22, 23, 25, 28, 32, 33 (zwei), 34. Aufgrund der Überzeugung Frenzels, daß die Prussen zu den slawischen Völkern gehören (*Prussice id est Slavice*), gibt er einige slawische “Etymologien” der baltischen Theonyme, die fast immer irrtümlich sind (z.B. *Perdoitus* — *Deus venti* von *perduju*, *Potrimpus* von *potreba* u. ä.); deren Analyse wirft aber das Problem der richtigen Etymologien dieser baltischen Theonyme erneut auf. In einigen Fällen führt Frenzel bestimmte angeblich prussische Lexeme an. Diesem Problem (slawische “Etymologien” Frenzels in bezug auf richtige etymologische Deutungen) wird der Vortrag gewidmet.

Илья Сергеевич Николаев (Санкт-Петербург)

Малые прибалтийско-финские народы в иноязычном окружении

Прибалтийско-финские народы проживают на северо-западе Европы. Из них финны и эстонцы имеют собственную государственность; карелы, вепсы, ижорцы, вольды входят в состав народов России. Часть карел, кроме того, населяет западную Финляндию. Ливы живут в Латвии. Самые многочисленные из этих народов — финны и эстонцы, все остальные считаются малыми. Наиболее жизнеспособными являются карелы и вепсы. Ижорцы находятся на грани вымирания, их осталось около 200 человек. Ливы и вольды практически ушли в небытие.

Мы не будем сосредотачиваться на социально-политических проблемах этих отмирающих народов, а рассмотрим некоторые лингвистические аспекты, связанные с тем, что народы-носители малых прибалтийско-финских языков находятся, как правило, в тесном контакте с другими народами, имеющими более развитую культуру.

Прежде всего, обрисуем картину расселения малых прибалтийско-финских народов по отношению друг к другу и к их соседям. На севере территории расселения этих народов находятся карелы, они же имеют и самый широкий ареал проживания. Карелы в России с давних пор контактируют с русскими, поэтому большинство из них двуязычны. Большинство карелов-билингвов чаще использует русский язык. Аналогичная ситуация в Финляндии, но финский язык в силу своей близости к карельскому, играет там, по-видимому, ещё большую роль, практически вытеснив карельский из всех сфер общения. Часть южных карел в России контактирует также с вепсами, составляющими вторую по численности группу прибалтийско-финских народов. Вепсы также сильно ассимилированы русскими, но всё ещё сохраняют единство в местах компактного проживания. Ижорцы отделены от карел территориально, но в прошлом их языки имели общего предка — древнекарельский язык. Ижорцы давно находятся в тесном контакте с русским народом, а также с финнами, переселёнными несколько веков назад на ижорские земли шведами. Ещё недавно встречались и ижорско-вольдские деревни. Вольды, некогда многочисленная народность, проживавшая к югу от ижорцев, сейчас полностью ассимилировалась, во-первых, ижорцами, во-вторых, русскими. Ливы, находящиеся по соседству с эстонцами на севере Латвии, в настоящее время, практически исчезли в латышском окружении.

Влияние доминирующих языков — русского, финского, латышского — на малые прибалтийско-финские языки проявляется прежде всего в обильном заимствовании лексики, некоторых фонетических особенностей (в ливском языке, например, заимствовано музыкальное ударение из латышского языка), а также в несколько меньшей степени — морфологии. Обычно такое влияние благотворно сказывается на развитии языков, взаимообогащая культуру и язык народов. Яркий тому пример — балканский языковой союз. Но в нашем случае в результате сильного доминирования во всех сферах общения, включая и бытовую, русский (или финский, или латышский) язык начинает разрушать

грамматическую систему малого языка. Многочисленные иноязычные выражения, порой по длине достигающие размеров целого предложения, вначале воспринимаются в малом языке как цитаты, но поскольку культурная и языковая активность народности ослабевает, эти “цитаты” становятся частью языка (устойчивые сочетания слов, фразеологизмы, даты и пр.). Опасность этого явления в том, что такие “цитаты” вытесняют исконные эквиваленты, обедняя язык, а это создает у младшего поколения носителей впечатление “испорченности” родного языка. В результате, молодежь настраивается на овладение в первую очередь доминирующим языком, и её языковая активность в родном языке падает практически до нуля, до полного непризнания малого языка за самостоятельный язык и сведения его до статуса местного диалекта, как, вероятно, произошло в Финляндии среди карел.

Малый язык перестает развиваться, он консервируется в среде старших носителей, а прекращение развития для языка, как известно, ведёт к его отмиранию вместе с последними активными носителями.

Дайна Нитиня (Рига)

К проблеме спряжения латышских глаголов

В рамках научной грамматики латышского языка интерес представляет выявление всех возможных разновидностей основных форм глаголов в их взаимосвязи и установление оптимальной модели их систематизации. В процессе подготовки новой академической грамматики латышского языка, в частности, велись поиски в данном направлении, в результате чего создан новый вариант описания системы основных форм латышских глаголов.

Традиционный подход к описанию латышского спряжения, предполагающий рассмотрение типов основных форм и их образования в связи с парадигмой личных форм глаголов, по моему мнению, является искусственным, так как личные формы в синхронном плане образуются от соответствующих основ как уже данных.

Типы спряжения глаголов в данной работе определяются по системе личных окончаний, их наличию или отсутствию и изменениям основы при образовании личных форм.

Разнообразием отличается спряжение латышских глаголов в настоящем времени. Для спряжения настоящего времени в общем характерны следующие признаки, касающиеся формы второго лица единственного числа:

- 1) независимо от качества гласных *e*, *ē* основы настоящего времени, в данной форме второго лица, как правило, употребляется закрытый гласный;
- 2) у глаголов, при образовании основы настоящего времени которых происходит чередование *p* — *pj*, *b* — *bj*, *m* — *mj*, *s* — *š*, *z* — *ž*, *l* — *ļ*, *t* — *š*, *d* — *ž*, в упомянутой форме это чередование отсутствует: *kopj* — *kop*, *glābj* — *glāb*, *lauž* — *lauz*, *guļ* — *guli*, *cieš* — *ciet*, *sēž* — *sēdi*.

Всего мною выделяется 8 типов спряжения латышских глаголов в настоящем времени: 5 из них — это спряжения невозвратных глаголов, 3 — спряжения возвратных глаголов.

1 спряжение невозвратных глаголов является спряжением полного типа, так как в нём сохранены все личные окончания. При этом в отличие от других спряжений для окончания 1 и 2 лица множественного числа характерен долгий гласный *ā*: *lok-u, lok-i, lok-a, lok-ām, lok-āt*.

Долгий гласный *-a-* является характерной чертой также для 1 спряжения возвратных глаголов: *šaub-āmies, šaub-āties, šaub-ās*.

2 спряжение невозвратных глаголов отличается отсутствием окончания 3 лица: *peld, grimst, jūt*.

Для личных форм 2 спряжения возвратных глаголов характерен краткий гласный *-a-*: *peld-amies, peld-aties, peld-as*.

3 спряжение невозвратных глаголов отличается как отсутствием окончания 3 лица, так и отсутствием окончания *-i* во втором лице единственного числа: *brauc, šuj*.

Для 4 спряжения невозвратных глаголов характерно то, что в отличие от основной формы настоящего времени во втором лице единственного числа происходят чередования *k — c, g — dz*: *rok — roc, nāk — nāc, aug — audz, bēg — bēdz*.

Чередование *k — c, g — dz* является также характерной чертой для 4 спряжения возвратных глаголов: *satiekas — satieciēs, iedegas — iededziēs*.

5 спряжение невозвратных глаголов отличается тем, что формы 3 лица и 2 лица единственного числа являются одинаковыми, и они оканчиваются на долгий гласный или дифтонг *uo*: *domā, klusē, svētī, elpo*.

Своё особое — нерегулярное спряжение имеют глаголы *būt, iet* и производные от них.

Только согласно 2 типам — невозвратному и возвратному — спрягаются латышские глаголы в прошедшем времени.

В будущем времени каждый из 2 основных типов спряжения — невозвратный и возвратный — имеет 2 варианта: для глаголов, корень которых оканчивается на согласные *s, z, t, d*, и для всех остальных глаголов.

Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)

Балто-балканские ономастические изоглоссы

1. Ещё в XIX в. В.Томашек сопоставил фракийский этноним *Γούδραι* с лит. *gañdrai* 'аусты'. Подобным же образованием тотемного происхождения является другой фракийский этноним *Βέβρυκες*: к лит. *bėbras* 'бобр', *bebriūkai* 'бобрики' (В.Георгиев). В 20-е годы нашего века работу в этом направлении продолжали Й.Басанавичюс и Н.Йокл, позднее — Г.Краэ. Из их сопоставлений можно отметить фрак. *Ῥοδοπη* — балт. **Rud-ape* (Басанавичюс), фрак. *Ναράχιον* — лит. *Nař-upė* (Йокл), венет. *Plavis* — лит. *Plavys* (Краэ) и др.

2. Если Краэ (и ранний Георгиев) с позиций “паниллиризма” сопоставлял балтийский материал преимущественно с иллирийской и венетской топонимикой, то, начиная с фундаментальных исследований И.Дуриданова, центр тяжести переносится с северо-запада Балкан на их восточные области, включая сюда же фракийскую ономастику М.Азии. Причем, в отличие от своих предшественников, Дуриданов приводит не только значительно более многочисленные изоглоссы, но и структурно гораздо более сложные. Ср., например, иллир. р. *Alsa* — лит. р. *Alsà* (Краэ) и фрак. МН *Βατκούν-ιον* и лит. МН *Batkūn-ai* (Дуриданов).

3. Очень важно отметить, что сопоставления Дуриданова не являются “корнеотсылочными”, а отражают общую словообразовательную структуру сопоставляемых собственных имен. Так, например, фракийский эпитет Геры *Ἄρμ-ουλ-ην-ή* и лит. р. *Arm-ul-išk-is* содержит один и тот же первичный суффикс *-ul-*. Его же мы находим в изоглоссе: фрак. ЛИ *Ger-ul-a* (ср. также в надписях *Γερ-ύλ-ος*) — лит. ЛИ *Ger-ùl-is*, фрак. г. *Καβ-ύλ-η* — др.-прусс. р. *Cab-ul-a* и др. Сюда же следует отнести фрак. ЛИ *Δινδ-ουλ-ας* — лит. ЛИ *Dind-ùl-is* (Дуриданов приводит лишь дак. ЛИ *Δίνδας* и лтш. р. *Dinda*, лит. МН *Dindū káimas*).

4. Сам Дуриданов этого важного обобщения своего материала (речь идёт не только о суффиксе *-ul-* во фракийской и балтийской ономастике), к сожалению не делает. Между тем, именно словообразовательное единство ономастического материала сопоставляемых регионов является одним из самых весомых аргументов в пользу надёжности как примеров, так и выводов Дуриданова, которые иногда подвергаются сомнению (например, К.Влаховым).

Поскольку фракийский язык относится к числу так называемых “ономастических” языков (апеллятивная лексика которых нам почти или совсем неизвестна), наличие надёжных балто-фракийских ономастических изоглосс может пролить свет на этимологию фракийских имён собственных (в таких случаях, когда, например, литовское название, в отличие от фракийского, имеет совершенно прозрачную этимологию). Так, фрак. *Σίλτα* — лит. *Šilt-upis* позволяет не только второе, но также и первое название связать с лит. *šiltas* ‘тёплый’. Эпитет Гермеса *Σουιτ-ουλ-ην-ός* имеет прозрачную для балтийских языков этимологию: к лит. *švitėti* ‘светить(ся), блестеть’, ср. *švit-ul-ys* (с тем же суффиксом *-ul-*) ‘блестка, отблеск’. Семантически ср. эпитет Аполлона *Σπινδε-ην-ός* — к лит. *spindėti* ‘сверкать, блестеть’ (Дуриданов).

6. Большой вклад в изучение рассматриваемой проблемы внёс В.Н.Топоров. Правда, среди огромного фактического материала, содержащегося в его публикациях на эту тему, к сожалению, зачастую тонут убедительные и интересные (иногда — просто блестящие) изоглоссы. Стремясь дать как можно больше примеров, Топоров нередко объединяет образования разного происхождения. Например, лтш. *Dabas, Dabna*, лит. *Dābrupis, Duburys* одновременно сопоставляются с *Δόβηρος, Δαβρειας* и *Δαβρελας*, хотя лит. *dābras* ‘бобр’ и *duburys* ‘впадина, котловина’ этимологически никак между собой не связаны. Однако примеры подобного рода не уменьшают исключительно важного значения работ Топорова по изучению балто-балканских ономастических изоглосс.

7. Несмотря на фундаментальные исследования Дуриданова и Топорова, рассматриваемая нами тема далеко не исчерпана. Так, кажется, до сих пор не

были отмечены такие цельнолексемные изоглоссы, как *Πάταρος* (фрак. МИ) — *Pātaras* (лит. ЛИ), *Σάλακος* (палеобалк. МН на Родосе) — *Sālakas* (лит. МН), *Μάρμακος* (палеобалк. МИ) — *Marmākas* (лит. ЛИ) и др. Последний пример особенно показателен, ибо отражает все три ступени классического индоевропейского чередования в корне *e / o / Ø* (т.е. балт. и фрак. *er / ar / ur*): догреч. *Μερμ-ησσός* (<*-ākjos), *Μαρμ-ησσός*, *Μυρμ-ησσός*; ср. лит. ЛИ *Marm-ōkas* и *Murm-ōkas*, а также этимологически связанные с этими именами глаголы *term-ėti*, *tarm-ėti* и *turm-ėti* ‘бормотать, бурчать; журчать’. И.-е. чередование **e / *o* (балт. и фрак. *e / a*) засвидетельствовано также и без нулевой ступени: фрак. ЛИ *Σεδαλας* и *Σαδαλας* — лит. ЛИ *Sedālis* и *Sadālis*; фрак. МН *Κέρσος* = *Κάρσος* — лит. *Keršūs* и *Karšūs*. В ряде случаев двойная огласовка корня наблюдается у одних и тех же имён одновременно в обоих регионах. Например: фрак. ЛИ *Βουζης* и *Βυζας* — лит. ЛИ *Baižas* и *Būžas*.

8. Фрак. МН *Νάρακον* и *Ναράκιον*, сопоставленные Йоклем на корневом уровне с лит. *Naĩ-urĩs*, имеют более полное соответствие в лит. ЛИ *Nārakas*. К перечисленным выше (пункт 3) изоглоссам с суффиксальным *-ul-* можно добавить также фрак. МН *Βαβύλη* и лит. р. *Babūlis*, фрак. МН *Κερδύλιον* и лит. ЛИ *Kerdūlis*, фрак. ЛИ *Κερσουλας* и лит. ЛИ *Keršūlis*.

9. В балтийской и палеобалканской (resp. фракийской) ономастике засвидетельствованы одинаковые чередования суффиксов (термин Ф.Шпехта и Э.Бенвениста). Вот лишь несколько выборочных примеров. Фрак. и кар. МН *Σάμος* и лит. ЛИ *Sāmas* имеют одинаковые производные с чередующимися суффиксами *-ul-* и *-ōn-* (*-ān-*): фрак. ЛИ *Σαμ-υλ-ος* и МН *Σαμ-ών-ιον* — лит. ЛИ *Sam-ūl-is* и *Sam-on-is*. Чередование *-ēn-* / *-ōn-* (*-ān-*): фрак. ЛИ *Πυρ-ην-εύς* и догреч. МН *Πυρ-ων-αία* — лит. ЛИ *Pur-ēn-as* и *Pur-ōn-as*; то же — с долгим *ū* в корне: фрак. ЛИ *Πῦρ-ήν-η* и эпитет Артемиды *Πῦρ-ων-ία* (ср. лит. *Pūr-on-as*).

10. Таким образом, речь во всех случаях подобного рода идет не о сопоставлении корней “по сходству звона” — с многочисленными и непонятными аффиксами, — а об изоглоссах, отражающих идентичные словообразовательные модели, свидетельствующие о близком генетическом родстве соответствующих языков.

Сокращения:

балт. — балтийский
 венет. — венетский
 др.-прусс. — древнепруссский
 иллир. — иллирийский
 кар. — карийский
 лит. — литовский
 лтш. — латышский

палеобалк. — палеобалканский
 фрак. — фракийский
 г. — город
 ЛИ — личное имя
 МИ — мифологическое имя
 МН — местное название
 р. — река

**Лексические варианты религиозных терминов *gars/dvasia*
в первых переводах Нового завета
на литовский и латышский языки**

Первые попытки перевести литературу религиозного содержания, в центре которой находится Библия, неизбежно требовали от авторов XVI–XVII вв. умения найти в языке подходящие термины для передачи новых понятий, что способствовало развитию национальной религиозной терминологии [Skujina, 1993; Range, 1992; Palionis, 1996].

Источниками для переводов в те времена служили греческие, латинские, немецкие религиозные тексты, а традиционная техника перевода требовала безоговорочного следования смыслу и структуре оригинала [Ambrazas, 1997]. В настоящей работе рассматриваются лексические варианты термина *gars/dvasia*, выявленные при сравнении первых переводов Нового завета на литовский (Й.Бреткунас¹) и на латышский (Э.Гликс²) язык с греческим³, латинским³ и немецким⁴ текстами.

1. Деян 16,7: гр. τὸ πνεῦμα Ἰησοῦ, лат. *Spiritus Iesu*, нем. *der Geist Jesu* — лит. *Dwafė*, лтш. *tas Garrs*.
2. Деян 20,23: гр. τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, лат. *Spiritus Sanctus*, нем. *der heilige Geist* — лит. *Schwenta Dwafė*, лтш. *tas šwehts Garrs*.
3. Деян 8,39: гр. πνεῦμα κυρίου, лат. *Spiritus Domini*, нем. *vom Geist des Herrn* — лит. *Dwa-fe Wiefpaties*, лтш. *tas Dee-wa Gars*.
4. Деян 19,15: гр. τὸ πνεῦμα τὸ πονηρὸν, лат. *spiritus nequam*, нем. *der böse Geist* — лит. *pik-toia Dwafė*, лтш. *tas ļauns Gars*.
5. Деян 8,7: гр. πνεύματα ἀκάθάρτα, лат. *spiritus immundos*, нем. *böse Geister* — лит. *neščifstos Dwafes*, лтш. *ne-šchķihsti Garri*.
6. Деян 17,16: гр. τὸ πνεῦμα αὐτοῦ, лат. *spiritus eius*, нем. *im Ihnnersten* — лит. *io Dwafia*, лтш. *wiņņa Garrs*.
7. Деян 7,59: гр. τὸ πνεῦμά μου, лат. *spiritum meum*, нем. *meinen Geist* — лит. *Dwafė mano*, лтш. *man-nu Garru*.
8. Мк 9,25: гр. ὄχλος ἐπετίμησεν τῷ πνεύματι, лат. *Mute et surde spiritus*, нем. *Du stummer und tauber Geist* — лит. *Tu nekalbanti ir ne tikinti (girdinti*) Dwafė*, лтш. *Tu Beswallodis un mehms Garrs*.

В лексическом смысле как литовские, так и латышские анализируемые термины являются дословными переводами, однако артикль немецкого языка регулярно передаётся местоимением *tas* лишь в Новом завете у Гликса. Это можно объяснять немецким происхождением автора (P.Šmits, 1908; A.Ozols, 1965), но можно предположить и то, что Гликс переводил с немецкого оригинала, а текстами на других языках пользовался лишь для уточнения перевода.

¹J.D.Range. Komentierte Edition des Bandes 7 der altlitauischen Bibelübersetzung (Evangelien und Apostelgeschichte) von Joh. Bretke. Labiau 1580. Habilitationsschrift. Münster. 1992.

²*Tas Jauns Testaments*..1685. Latvijas Universitātes Matematikas un Informatikas instituta datu baze.

³Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece et Latine. Stuttgart. 1986.

⁴Die Gute Nachricht DIE BIBEL in heutigem Deutsch. Stuttgart. 1982.

Олита Раусе (Рига)

Типология сложных членов предложения (СЧП)

Член предложения — это слово (или несколько слов), которое выполняет в предложении определённую синтаксическую функцию. По структуре члены предложения могут быть простые и сложные. Простой член предложения может состоять из знаменательного слова самого по себе или в сочетании со служебным. В состав СЧП входят несколько знаменательных слов, которые образуют неделимое словосочетание. СЧП в предложении занимает одну синтаксическую позицию. неделимыми словосочетаниями обычно является:

- собственные имена, состоящие из нескольких слов (личные имена, названия и т.п.)
- фразеологизмы: *Viņam tas kā pīlei ūdens* — ‘Ему это как с гуся вода’;
- “псевдословосочетания”: *šīs tas, viens otrs, kaut kas* — ‘то-сё, кое-кто, что-то’;
- сочетания однокоренных слов с целью усиления: *Nāc nākdama, vasariņa!* — букв. ‘Иди идя, лето!’

К СЧП можно отнести делимые словосочетания, которые обозначают одно понятие (например, *Dziesmu svētki, lielziēdu īrisi* — ‘Праздник песен, крупноцветные ирисы’ (ср. рус. *Олимпийские игры, зелёный горошек*).

В докладе выдвигается предположение, что к СЧП можно отнести довольно большие делимые словосочетания, передающие некоторые смыслы, которые трудно обозначить одним словом. В предложении такого рода СЧП могут функционировать как:

- сложное подлежащее: *Šovakar viņam mugurā bija drīzāk mājas tērps nekā viesību izvalks* — ‘Сегодня на нём была скорее домашняя одежда, чем выходной костюм’;
- сложное глагольное сказуемое: *Viņa vairāk peldēja nekā gāja* — ‘Она больше плыла, чем шла’;
- сложное именное сказуемое: *Viņas vārdi bija drīzāk tēli nekā jēdzieni* — ‘Её слова были скорее образами, чем понятиями’;
- сложное дополнение: *Drīzāk ar instinktu nekā ar ausi es saklausu, kas man jādzird* — ‘Скорее инстинктом, чем ухом я слышу то, что мне надо слышать’;
- сложное определение: *Tā bija drīzāk putnu nekā cilvēku dziesma* — ‘Это была скорее птичья песня, чем человеческая’.

Бонифацас Стунджа (Вильнюс)

Две тенденции в развитии акцентной системы имени в современном литовском языке

0. На основании предварительного анкетного анализа, проведённого среди студентов первых курсов гуманитарных факультетов Вильнюсского университета, и многолетних наблюдений над разговорным языком можно выявить две тенденции, определяющие развитие акцентной системы имени в современном литовском языке, в том числе и литературном.

1. Усиление связи между местом ударения и стыком морфем: ударение перемещается на слог, который либо а) находится в непосредственной близости к словообразовательному форманту или другому аффиксу, б) представляет собой стык морфем, напр.: а) *amātininkas*, ср. *āmatas* (литер. *amatiniñkas*); *asmėniškas*, -a, *asmėninis*, -ė, ср. *āsmeni*, *asmuō* (литер. *āsmeniškas*, -a, *asmeninis*, -ė); *apmokėstinti*, ср. *mókestis* (литер. *apmókestinti*); *popėrgalis*, ср. *pōpierius* (литер. *pōpiergalis*); б) *cukrāligė* (литер. *cùkraligė*), *vėjāraupiai* (литер. *vėjaraupiai*).

Как известно, указанное явление в определенных словообразовательных моделях характерно и кодифицированному литературному языку, напр.: *vasāris* (ср. *vāsara*); *beasmėnis*, *asmėnvardis* (ср. *āsmeni*, *asmuō*), *gelėžtė* (ср. *gėleži*, *geležis*). Несколько лет назад нормой литературного языка был признан новый тип подвижности в системе сложных слов, напр.: *akmentašys* – *akméntaši* (традиц. *akmentašys* – *ākmentaši*), *laiškanešys* – *laiškāneši* (традиц. *laiškanešys* – *láiškaneši*). Неоподвижность предполагает перемещение ударения с конечного слога на слог, непосредственно предшествующий стыку основ, или слог, ядром которого является гласный (*i*)a, т. е. соединительный гласный, или морфема стыка. В разговорном языке такая подвижность нередко устраняется (см. 2).

2. Устранение подвижности в многосложных именах. В первую очередь, это касается сложных слов, напр.: *mėsgalis* (литер. *mėsgalys* – *mėsgali*), *ūkvedis* (литер. *ūkvedys* – *ūkvedi*), *jaunāvedis* (литер. *jaunavedys* – *jáunavedi* и *jaunāvedi*). Отдельные такого рода случаи наблюдаются и в истории литературного языка, а также в колебаниях современных кодификаторов, ср.: *akmenskaldys* и *akménskaldis*, *akmentašys* и *akméntašis*.

Первая тенденция, выявленная в акцентуации современного литовского языка, указывает на то, что а) в словообразовательной системе имени расширяется поле действия таких просодических альтернатив, которые место ударения теснее связывают с морфемами; б) в подвижной акцентной парадигме уменьшается расстояние между окончанием и ударным слогом основы. Распространение замены подвижной акцентной парадигмы парадигмой с постоянным ударением упрощает связь между местом ударения и морфемой.

Валентин Иванович Трубинский (Санкт-Петербург)

О взаимоотношении балтийского и восточнославянского актива-перфекта

Балтийские причастия, выступающие в роли прошедшего совершенного (лит. на -*ęs*, -*usi*, лтш. на -*is*, -*usi*), и восточнославянские нечленные отпричастные формы на -*ши* “он вставши” восходят (в этом, кажется, не сомневается никто) к единому балто-славянскому источнику. Справедливой представляется также (хотя принимается не всеми) гипотеза А.А.Потебни о допустимости генетического сближения тех и других форм как полнозначных предикатов. Сходные мысли высказывает Б.А.Ларин.

Балтийские причастия в системе глагольных времён и диалектные восточнославянские отпричастные формы на настоящем этапе развития во многом аналогичны. В том и в другом случае это — предикативные именные причастные формы актива (действительного залога) с отвлеченной семантикой прошедшего или настоящего времени либо нулевой.

Образование, о котором идёт речь, находится в системном отношении с основной формой прошедшего времени. В литовском и латышском оно коррелирует с простым прошедшим, однократным и многократным (в литовском), а в русских диалектах, территориально смежных с балтийскими и прибалтийско-финскими языками, а именно в говорах псковских и западно-новгородских (лишь там представляет оно достаточно прочное звено в системе глагольных времён), — с прошедшим на *-л*.

О значительном сходстве и, в меньшей мере, о различиях временных значений балтийского и диалектного восточнославянского отпричастных перфектов писали в своё время М.Ф.Семёнова, С.И.Груздева, М.А.Новгородов, О.Шулене, Э.Генюшене, В.П.Недялков, В.Амбразас, автор этих строк и некоторые другие лингвисты.

В настоящем докладе обращу внимание только на одно различие, весьма важное на мой взгляд, которое пока ещё никем не акцентировалось. Отпричастная форма на *-ши* в системе времён упомянутых только что русских говоров узкого Северо-Запада — это не что иное, как результатив. И только! Его можно назвать ещё так: стательный актив-перфект. И отличается он от однотипного явления в балтийских языках тем, что не имеет функционирующего рядом подобного себе (развившегося из того же причастия действительного залога) акционального пассива-перфекта. Иначе говоря, нет в названных говорах межлексемной оппозиции типа той, что существует, скажем, в русском литературном языке в сфере пассива (там формы на *-н*, *-т* могут быть и стательными и акциональными) или, например, той, что наблюдаем в литовском языке в сфере актива, где префектные формы на *-ęs*, *-usi* столь же закономерно могут быть и стательными (*ji sublogusi; pienas atausęs*) и акциональными (*jis buvo paslydęs: jis buvo iššovęs*). В русских же говорах предикат на *-ши* — это совершенно особый, скажу более — уникальный субъектный результатив. Его лексический фонд составляют интранзитивы совершенного вида, за исключением глаголов нетрансгрессивных (то есть не выражающих изменения в состоянии или пространственном пребывании субъекта, например — глаголов ингрессивных или одноактного способа действия, ср. литовские образования на *-ęs* от таких глаголов в последней паре примеров). Оговорюсь тут же, что сказанное не относится к русским говорам за пределами Северо-Запада, равно как и к старожильческим русским говорам на территории Прибалтики, где отмечаются также и акционально-перфектные формы на *-ши*. Их употребление здесь (впрочем, нерегулярное) в немалой, видимо, степени обусловлено большей семантической близостью образований на *-ши* в этих говорах соответствующей балтийской форме.

Налицо, таким образом, статальный актив-перфект на *-ши* как самостоятельная граммема — явление, не знающее аналогий в других индоевропейских языках.

Имея подобный статус, данный результатив буквально отнимает от коррелирующих с ним в пределах его лексической базы интранзитивных форм совершенного вида на *-л* почти все разновидности перфектного значения, какие только способны выражать эти формы в других говорах и литературном языке. Отнимает даже значение “свежей новости”, которое характеризуют обычно как наиболее акциональное (Х.Томмола). На долю интранзитивных форм совершенного вида на *-л* остаётся лишь значение аориста. Иными словами, в речи русских диалектоносителей узкого Северо-Запада интранзитивные формы совершенного вида на *-л* с любым вариантом акционально-перфектного значения закономерно и почти автоматически заменяются образованием статального актива-перфекта на *-ши* с его собственным чисто результативным (в том числе претеритнорезультативным) значением. Имеет, таким образом, место более или менее явная силовая экспансия результатива в сферу акционального перфекта, чего не наблюдается в языках балтийских.

Эдмундас Трумпа (Вильнюс)

Рефлексы сочетаний **tj*, **dj* и возможность дзеканья в литовском диалекте Зиетелы

Вымерший диалект Зиетелы (Дятловский р-н, Белоруссия) известен и уникален тем, что для него, находящегося глубоко в окружении дзеканья белорусского языка, не было характерно дзеканье. Такое представление существует на протяжении многих лет. Тем не менее, анализ магнитофонных записей говора не позволяет полностью согласиться с этим. Немалое число примеров, в которых найдено дзеканье перед гласными заднего ряда (так называемое “первое дзеканье”), допускает предположение, что это явление не спорадического характера.

В Зиетельском говоре, как и в других литовских говорах, контактирующих со славянскими диалектами, в качестве мягких соответствий фонем /s/ и /z/ распространены “шепелявые” краепалатальные среднеязычные звуки *s''*, *z''* (вместо ожидаемых общелитовских переднеязычных *s'*, *z'*), по звучанию близкие к шипящим *š'*, *ž'* (это обстоятельство, кстати, позволяет больше примеров интерпретировать как фонетические пруссицизмы). Уже в начале нашего столетия Ян Розвадовский в заметках к своим записям Зиетельских текстов отмечал разную степень палатальности согласных: мягкость палатальных и полумягкость палатализованных. Распространение палатальных шепелявых звуков свидетельствует о распавшейся тембровой корреляции по твёрдости/мягкости в системе согласных. Только при существовании этой корреляции возможно сохранение давно образовавшихся аффрикат *c'* *z'* (в южнолитовских говорах), либо *č'*, *ž'* (в других говорах и в литературном языке). Краепалатальный характер

Зиетельских *c''* *ʒ''* свидетельствует о недавнем исчезновении фонем /*c'*/, /*ʒ'*/ в результате их слияния с двумя другими существующими в системе фонемами:

- перед задним вокализмом — с /*č'*/, /*ʒ'*/, которые издавна находим в заимствованиях и в позиции нейтрализации после шипящих *š'*, *ž'* (как варианты *c'*, *ʒ'* выступают *c''*, *ʒ''*, ср. *s''*, *z''*);
- перед передним вокализмом — с /*t'*/, /*d'*/, которые, возможно, как фонемы в этом говоре могут образоваться только при существовании дзеканья.

Как один из главных аргументов в пользу гипотезы о распаде /*c'*/, /*ʒ'*/ на две фонемы можно представить аналогичные процессы, начавшиеся в Пелясском литовском говоре (Вороновский р-н, Белоруссия).

Аксель Хольфут (Варшава)

Функции и грамматический статус конструкций с модальной частицей *lai* в латышском языке

В грамматиках латышского языка частица *lai* упоминается лишь как формообразовательный элемент, (“formveidojoša partikula” согласно академической грамматике латышского языка), входящий в состав описательных форм 3-го лица (иногда и 1-го лица множественного числа) повелительного наклонения (*Lai dzied! Lai dziedam!*). Нельзя, однако, отнести функции частицы *lai* к наклонению как грамматической категории, так как она сочетается с показателями разных наклонений (ср. *Ko lai es daru? Ko lai es būtu darījis?*). И по значению, и по грамматическим свойствам сочетания с частицей *lai* во многом напоминают сочетания с модальными глаголами. В отношении функций следует отметить, что *lai* в большинстве случаев выражает долженствование, вытекающее из волеизъявления не самого говорящего, а адресата или какого-либо третьего лица, что свойственно скорее модальным глаголам, чем формам наклонения. В отношении грамматических свойств интересно отметить, что *lai* иногда употребляется в синтаксических позициях, обыкновенно требующих ассертивной модальности, напр., после союза *ka* ‘что’, ср. *Vai jūs domājat, ka viņš lai uzaug kā suns, visu aizmirsts un pamests?* (P.Rozītis). Так как сочетания с частицей *lai* имеют гораздо больше общих свойств с модальными глаголами, чем с показателями наклонения, в докладе выдвигается мысль о том, что эту частицу можно рассматривать как нечто вроде неизменяемого модального глагола.

Юрий Валерьевич Храмов (Рига)

К этимологии балтийской кинологической лексики

1. Балт. **kurtis* / **kurtas* (> лтш. *kuīts*, лит. *kūrtas*, др.-прусск. *curtis* ‘борзая (собака)’) обычно считается заимствованием из слав. **xъrtъ* ‘борзая (собака)’ (Дж.Ф.Левин, Т.Милевский, К.Буга) [Топоров, 1984, 340; Karulis, 1992, I, 449].

Однако, на наш взгляд, более целесообразно говорить об исконном характере балт. **kurt-*.

По данным кинологии, “широкое распространение борзых начинается с переселением арийских племён в Европу” [Сабанеев, 1987, 10]. По-видимому, славянами борзые были заимствованы у скифов. У балтов борзая могла получить распространение вследствие балто-иранских контактов, имевших место в южной части днепровского ареала в I тысячелетии до н.э. [Sedovs, 1992, 69]. Тогда и могло появиться слово, обозначающее быстрюю (борзую) охотничью собаку. Собака была названа по признаку быстрого движения: лтш. *kuĩts*, лит. *kũrtas* сопоставимы с лит. *kũrti* ‘быстро бежать’. В.Н.Топоров считает, что такое соотнесение с лит. *kũrti* во многом гипотетично, так как ещё не доказано, что в др.-прусск. этот глагол (*cura* ‘сооружал, строил’) мог иметь значение, связанное с быстрым движением [Топоров, 1984, 343]. Но если лексема возникла в I тысячелетии до н.э., нужно ли искать балт. слово, от которого были образованы *kuĩts*, *kũrtas*, *curtis*? Ведь оно могло появиться в вост.-балт. диалекте (лтш.-лит. праязыке) и, значит, только там имеет мотивацию. Тогда др.-прусск. *curtis* — заимствование из вост.-балт. диалекта.

Итак, лтш. *kuĩts*, лит. *kũrtas* вполне объяснимы на собственно балтийском языковом материале.

2. Лтш. *suns* ‘собака, кобель’, диал. *suo* в качестве подзывания собаки [Karulis, 1992, II, 324], устар. *kuĩa* ‘сука’ [ME, 1923–32, II, 316] восходят к и.-е. названию собаки. Лтш. **sunis* по происхождению — обобщенная форма косвенных падежей. Диал. *suo* — реликт древней формы Nom.Sg.

В рамках теории centum-satem *suns* ~ *kuĩa* ‘собака, кобель’ ~ ‘сука’ представляют собой “кентум-сатемный” дублет (ср. лтш. *kaukt* ~ *saukt* ‘выть, вопить’ ~ ‘звать’; лит. *gentis* ~ *žentas* ‘род, родственники’ ~ ‘зять’). Очевидным является тот факт, что между “кентумными” и “сатемными” словами наблюдаются определенные семантические отношения. Одним из видов этих отношений является родо-видовая дифференциация: *suns* — родовое понятие, *kuĩa* — видовое, *suns* в значении ‘кобель’ выступает и в качестве видового понятия. Однако можно ли говорить о том, что родо-видовая оппозиция является причиной наличия “кентум-сатемного” дублета? По-видимому, нельзя. Если ятвяжское (?) *kuo* ‘собака’ [Зинкявичюс, 1984, 14] и лтш. *kuĩa* ‘сука’ связаны как две различные формы Nom.Sg. (ср. лтш. *suo* и *suns*), что, по всей вероятности, и предполагает З.Зинкявичюс, говоря об отношении *kuo* к *kuĩa*, то становится возможной реконструкция процесса становления эквиполентной оппозиции *suns* — *kuĩa* в прабалтийском. Значение *kuĩa* ‘сука’ — вторичное, первичное — ‘собака’, так же как у *suns* первичное — просто ‘собака’, ‘кобель’ — вторичное, потому что в и.-е. праязыке названия животных “обозначают зоологический вид без различия по полу: у самцов и самок нет особых названий” [Мейе, 1938, 394] (ср. и.-е. реликты в др.-греч.: *ἵππος* обозначает и ‘жеребца’, и ‘кобылу’, *ἄρκτος* — и ‘медведя’, и ‘медведицу’, *χόρον* — и ‘кобеля’, и ‘суку’). Формирование эквиполентной оппозиции *suns* ‘кобель’ — *kuĩa* ‘сука’ можно связать только с родо-половой дифференциацией в прабалтийском, когда существительные,

обозначая существа, различные по полу, получают признак мужского или женского рода.

Таким образом, наличие “кентум-сатемного” дублета в прабалтийском ещё не свидетельствовало о родо-видовой дифференциации между “кентумным” и “сатемным” словом. Первоначально “кентумное” и “сатемное” слово были семантически равноправны, но в дальнейшем они вступают в различные семантические отношения в связи с родо-половой дифференциацией, что выражается в эквиполентной *suns* ‘кобель’ — *kuņa* ‘сука’ и в привативной *suns* ‘собака’ — *kuņa* ‘сука’ оппозициях.

Литература

1. Зинкявичюс, 1984 — Зинкявичюс З. Польско-явьяжский словарь? // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984. — С.3–29.
2. Мейе, 1938 — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
3. Сабансеев, 1987 — Сабансеев Л.П. Собаки охотничьи: Борзые и гончие. М., 1987.
4. Топоров, 1984 — Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь (K–L). М., 1984.
5. Karulis, 1992 — Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I.–II. Sēj. Rīga, 1992.
6. ME, 1923–32 — Mīlenbahs K. Latviešu valodas vārdnīca. Red., pap., turpinājis J.Endzelīns. I.–IV. Sēj. Rīga, 1923–1932.
7. Sedovs, 1992 — Sedovs V. Balti senatnē. Rīga, 1992.

Артурас Юджянтис (Вильнюс)

Структура сложного предложения в грамматиках литовского языка

В академических грамматиках современного литовского языка (Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985; *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius, 1994; *Lithuanian Grammar*. Vilnius, 1997) сложное предложение понимается как интонационно объединённое грамматическое и коммуникативное целое, состоящее из частей, по своей структуре сходных с простыми предложениями.

Структурное соотнесение частей сложного предложения с простыми сталкивается с рядом известных трудностей — неполнотой частей, корреляцией форм сказуемых, вопросом о структурной принадлежности союзных слов и др. Эти особенности сложного предложения выявляют его структурную своеобразность, которая в указанном определении уходит на второй план.

Кроме того, понятие сложного предложения как состоящего из частей, по своей структуре сходных с простыми предложениями, дает повод предположить историческое развитие первого из двух или нескольких последних. В самом же деле изучение истории причастий балтийских языков (Амбразас В. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс, 1990) показывает, что по крайней мере некоторые сложные предложения произошли из простых с причастными или деепричастными оборотами.

Сказанное выше побуждает к определению и описанию сложного предложения не только как грамматического и коммуникативного, но и как структурного целого, построенного по особым структурным моделям.

Содержание

От редактора	3
<i>А.В.Андронов (Санкт-Петербург)</i> . К проблеме словоизменительных классов глаголов в латышском языке	4
<i>Л.Балоде (Рига — Хельсинки)</i> . Балтийская ономастика сегодня — ситуация и перспективы	5
<i>Л.Бельска (Рига)</i> . Проблематика написания топонимов Латгале	7
<i>А.Бухарина (Рига)</i> . Семантические отношения латышского имени прилагательного <i>jautrs</i> ‘весёлый’ и литовского имени прилагательного <i>jautrus</i> ‘чувствительный’	7
<i>О.Буш (Рига)</i> . Ещё одно свидетельство финно-угорского субстрата в латышской топонимике?	8
<i>Л.Ваба (Таллинн — Тампере)</i> . Обособленные балтизмы в эстонском языке	9
<i>И.Ванага (Рига)</i> . Тенденция к унификации типов склонения имен существительных в Асунском говоре латышского языка	10
<i>П.Ванагс (Рига — Стокгольм)</i> . Употребление форм дебитива в памятниках старолатышской письменности XVI—XVII веков	11
<i>Б.Вимер (Констанц)</i> . Полисемия vs. имплицитность: к типологическому портрету современного литовского языка	12
<i>Р.Вójcik (Warsaw)</i> . Acquisition of Lithuanian. State of the art. Some problems faced by a Lithuanian child while acquiring verb morphology	12
<i>Л.Г.Герценберг (Санкт-Петербург)</i> . Velta Rūķe-Draviņa: к восьмидесятилетию	13
<i>I.Greītāne (Riga)</i> . Preference rules for automated syntactic analysis of the Latvian language sentences	14
<i>P.U.Dini (Potenza)</i> . Jan Długosz und die baltischen Sprachen. Baltische Sprachen und Kulturen in der Renaissance	15
<i>Ф.А.Елоева (Санкт-Петербург)</i> . К истории одного из переводов Томаса Венцловы на французский язык	16
<i>В.П.Казанскене (Санкт-Петербург)</i> . <i>Sula salva, alus alva</i> (к этимологии литовского <i>alus</i> ‘нуво’)	17
<i>И.Клевере (Рига — Сомбатхей)</i> . Сложные времена латышского глагола: роскошь или необходимость?	18
<i>Ю.-С.Лаучюте (Санкт-Петербург)</i> . Литовский язык в Российской империи	19
<i>А.Лацхази (Будапешт)</i> . Заметки к выражению аспектуальных значений в литовском языке	20
<i>Л.Лейкума (Рига)</i> . Коротко о латгальской письменности	21
<i>А.Ляскаускайте (Вильнюс)</i> . Депалатализация согласных и вокализм переднего ряда в юго-западных литовских говорах	22
<i>Э.Милчонока (Рига)</i> . Употребление предлогов в тексте фрагмента “Lettische Postill” (1654) Г.Манцеля	24
<i>N.Mikhailov (Pisa — Leiden)</i> . Zu den slawischen “Etymologien” der baltischen Theonyme im Traktat A. Frenzels	26
<i>И.С.Николаев (Санкт-Петербург)</i> . Малые прибалтийско-финские народы в иноязычном окружении	27
<i>Д.Нитиня (Рига)</i> . К проблеме спряжения латышских глаголов	28
<i>Ю.В.Откупщиков (Санкт-Петербург)</i> . Балто-балканские ономастические изоглоссы	29
<i>Р.Пяткявичюс (Рига — Вильнюс)</i> . Лексические варианты религиозных терминов <i>gars/dvasia</i> в первых переводах Нового завета на литовский и латышский языки	32
<i>О.Раусе (Рига)</i> . Типология сложных членов предложения (СЧП)	33
<i>Б.Стундзя (Вильнюс)</i> . Две тенденции в развитии акцентной системы имени в современном литовском языке	33
<i>В.И.Трубинский (Санкт-Петербург)</i> . О взаимоотношении балтийского и восточнославянского актива-перфекта	34
<i>Э.Трумпа (Вильнюс)</i> . Рефлексы сочетаний * <i>tj</i> , * <i>dj</i> и возможность дзеканья в литовском диалекте Зистелы	36
<i>А.Хольфут (Варшава)</i> . Функции и грамматический статус конструкций с модальной частицей <i>lai</i> в латышском языке	37
<i>Ю.В.Храмов (Рига)</i> . К этимологии балтийской кинологической лексики	37
<i>А.Юджантис (Вильнюс)</i> . Структура сложного предложения в грамматиках литовского языка	39